

СЕРГЕЕВ АРТЕМ

ДРУГИЕ
ЗВЕЗДЫ

Другие Звёзды

Артём Сергеев
Другие Звёзды

«Автор»

2026

Сергеев А.

Другие Звёзды / А. Сергеев — «Автор», 2026 — (Другие Звёзды)

Не вернулся с боевого задания – для лётчика-штурмовика эти слова не всегда означают гибель в бою. Ещё можно выжить, ещё можно вернуться, ещё можно выйти к своим, да всё можно, если тебе отчаянно повезёт, если звёзды окажутся на твоей стороне, но что делать, если эти звёзды будут совсем другими?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	20
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Артём Сергеев

Другие Звёзды

Глава 1

Говорят, особо невезучие люди на войне могут предчувствовать свою смерть. Я много раз слышал эти байки, к тому же и рассказывали мне их в лицах да с такими мрачными подробностями, вот, мол, как оно иногда случается, что не поверить было просто невозможно, и люди-то рассказывали бывалые, которых в пустом вранье подозревать смысла нет, но вот сам с этим не сталкивался ни разу.

Может, это оттого, что я всего лишь месяц как прибыл в штурмовой авиаполк и не было у меня времени дурью маяться, а может, просто принимают люди совпадения за мистику, вот и всё. Да и не видел я в мирной жизни ничего подобного, хоть и не веселится костлявая там, как здесь, но всё же обходится она на гражданке по большей части без предупреждений, так с чего бы ей здесь начинать.

А ещё тут крепко верили в приметы. И было их не сказать, что великое множество, но неокрепшим умам хватало. Одни были общие, для всех, ну там не бриться с утра, если война ожидается, не фотографироваться, не стричься, не собирать полевых цветов, не ехать на попутке на КП, да много всего было, но знали их все. И, как будто этого мало, ещё и у каждого в отдельности в голове сидел свой собственный забористый таракан, и во что это могло вылиться — я даже угадывать не хотел. Талисманы с собой таскали всякие, удачу приманивали, кто-то крестился в кабине Ила перед вылетом, кто-то в старое переодевался, всего не перечислить, вообще суеверны были однополчане ну просто как старые бабы.

Я же выбивался из общего строя тем, что в приметы напояз не верил и им не следовал, хоть и другим не мешал, а причин тому было ровно две: во-первых, был я не просто свежим выпускником лётного училища, а успел я прослужить почти три года в этом самом училище инструктором по лётной подготовке. И вот там мне один раз крепко-накрепко посоветовали не забивать голову себе и молодым всякими суевериями, а подтягивать с ними технику пилотирования, это всяко лучше будет. Да и попробуй там встать на утреннее построение небритым, ага, засунут тебе за это такой фитиль от земли до неба, век помнить будешь. И второе, мало того, что был я в училище комсоргом, так ещё и здесь меня в них же определили, что тоже не способствовало.

В конце концов, не подчиняться приметам тоже было неплохое себе суеверие, почему бы и нет, но вот как быть со снами я, хоть убей, не понимал.

В маленьком окошечке над дверной притолокой нашей землянки уже угадывалось начинающее светлеть небо, до подъёма оставалось всего хрен да маленько, товарищи дружно сопели рядом, кто-то ворочался от неудобства жёстких нар и старался улечься поудобнее, кто-то беззаботно похрапывал, а я лежал, замерев не хуже испуганной мышки и старался успокоить бьющее сердце.

Приснилось мне, что поймала меня где-то здоровенная чёрная собака и, сволочь такая, враз распустила мне все галифе на лоскуты. Причём не наша это была собака, не родной Бобик или Жучка, а чужая, немецкая какая-то, вся гладкая, чёрная, короткошёрстная и со здоровеными гранёными клыками. И глаза, больше всего запомнились мне её глаза, были они холодными, заполненными до самого дна спокойной, уверенной ненавистью, и пробирали эти ястребиные глаза до глубины души. И сон из-за этого вышел какой-то мутный, в нём я молча смотрел в её фашистские зенки, замерев и не силах пошевелиться, а она в это время так же

молча драла мои штаны, не касаясь тела. И злоба ещё, всё в этом мороке было наполнено лютой, перехватывающей дыхание и застилающей глаза злобой, и моей, и собачьей.

— Тыфу ты, — мне наконец удалось сбросить с себя дурное наваждение и усесться на нарах, — погань такая! Приснится же!

Я размял руками лицо, сбивая с себя остатки сна, рывком поднялся на ноги и больше на ощупь пробрался к столу, еле видимом сейчас в темноте землянки. Нашупал на столешнице трофейную немецкую зажигалку и принялся щёлкать колёсиком, чтобы зажечь «Катюшу», светильник, сделанный из сплюсненной сверху гильзы стреляного патрона от авиационной пушки. Убожество, конечно, гильза да бензин с солью внутри, сверху фитиль из полы шинели торчит, больше коптит и трещит, чем света даёт, но керосиновой лампы у нас не было, а потому приходилось пользоваться тем, что есть.

Запалив «Катюшу», бросил взгляд на наручные часы, там было четыре с небольшими копейками, самое время. Часы такие, кстати, в нашей эскадрилье были только у меня да у комэска. Ему по должности положено, а мне их подарили в училище перед отправкой на фронт, остальные же обходились кто чем. Один так вообще таскал в кармане галифе снятый с приборной панели разбитого Ила хронометр, и нормально ему было. Да и я б таскал на его месте, почему нет, разве что цепочку какую-нибудь бы к ремню приделал.

— Подъём, славяне! — в окошечко над притолокой негромко постучался дежурный, обрадованный тем, что кто-то уже не спит, — готовность на пять часов!

— Понял! — так же негромко ответил ему я, — есть, на пять часов!

Фраза эта означала, что нужно нам быть на КП полка ровно в пять, и ни минутой позже. Но время в запасе было, а потому я не кинулся никого будить, решив сначала одеться самому, чтобы не толкаться задницами с остальными в тесной темноте землянки, две-три минуты ничего не решат.

— Народ! — потянув на себя разбухшую дверь, я выбрался под светлеющее летнее небо и уже оттуда принялся отрабатывать командный голос, — подъём! Готовность на пять, меньше часа осталось!

В землянке завозились и загомонили, тишина наполнилась протяжными зевками и кряхтением, а я, вдохнув полной грудью свежий утренний воздух, решил умыться по-настоящему, с бритьём. Чёрт его знает, будет сегодня война, не будет, просто бородёнка у меня росла паршивенькая и потому даже самая малая небритость уже давала не тот вид. А мне нужно было себя держать: во-первых, привычка, во-вторых, необходимость. Это мои сотоварищи по землянке почти все двадцать второго года выпуска, им можно и раз в неделю себя скоблить, разницы никакой, я же был девятнадцатого, и это чувствовалось вот хотя бы по щетине.

Вообще полк наш недавно переформировали по причине больших потерь, всего лишь месяца три как, а потому все пилотяги в нём, кроме самого-самого выжившего и сохранившегося костяка, были свежими, только-только из училищ, но уже с кое-каким боевым опытом, хотя вот умения было у них откровенно мало.

И ещё, был я старшим лейтенантом, и выше меня по званию в нашей эскадрилье был только капитан-комэск. И вот от этого тоже не получалось у меня пока влиться в коллектив на своих условиях, да и попробуй тут влиться всего с двумя боевыми вылетами, когда у остальных, кроме комэска, уже по пять-десять есть. А за три-четыре вылета, между прочим, давали медаль, за те самые десять орденов, а в сорок первом, говорят, так вообще Героя сразу, да только где они все теперь, эти герои первого года войны. Тем более что сейчас, в сорок третьем, на это уже больше сотни боевых вылетов потребуется, и то не факт.

Но вообще ситуация выходила немного щекотливая, меня, по совокупности качеств, сразу же по прибытии назначили заместителем командира эскадрильи, и это не прошло незамеченным. Народ настороженно переглядывался, но на контакт со мной не шёл, и их можно было понять. Они — уже боевые лётчики, у них ордена, они вместе пережили первые потери

и первые победы, я же всего лишь старше по возрасту и званию. Но то, что по лётной и штурманской подготовке я был на голову выше их всех, вместе взятых, потихоньку сгладило недовольство, и уже тем более оно утихло за это время, когда обрадованный комэск сгрузил на меня всю учебную работу.

Пришлось вспомнить не успевшие забыться навыки, и это пошло на пользу всем. За квалификацию уважают всегда и везде, это беспроеигрышный вариант, тем более, когда я на спарке показал каждому в отдельности свои умения, то лёд отчуждения был сломан, хоть и не до конца, конечно.

Намыливая помазок в чуть тёплой воде, я вспомнил, как радостно улыбался капитан Воронцов прямо в лица чуть-чуть не успевшим комэску-один и комэску-три, когда я только-только прибыл в полк и пошёл представляться.

— А сразу! — наставительно махал пальцем он у них перед носами, — сразу надо всё делать! Я вот увидел, — тут он повернулся ко мне, чтобы ткнуть этим пальцем уже в меня, — как он на три точки у посадочного знака притёрся, так сразу в штаб и побежал, чтобы в мою эскадрилью его записали! А вы нет, вы ворон считали! Так что всё, поздно! Можете забирать тех, кого он с собой привёл!

Вообще встретили меня тогда в штабе хорошо, если не сказать больше. Комполка, двадцативосьмилетний майор, позвал своих начштаба и замполита, тоже майоров, хоть и постарше возрастом, вместе они полюбовались моей лётной книжкой, немного поговорили за жизнь, да и определили меня в заместители и комсорги во вторую эскадрилью, а я и не протестовал. Как говорится, есть такое слово — надо. Тем более что служба в училище приучила меня быть занятым от подъёма и до отбоя, а забивать вместе со всеми «козла» в землянке, резаться в «очко» и предаваться всем другим прочим нехитрым удовольствиям мне было откровенно скучно. Я намеревался именно служить, а не только воевать, вот и посмотрим, что из этого выйдет. Авансы мне все были выданы, осталось их только отработать.

Потом я, не дожидаясь просьб, отрулил от умывальника, чтобы дать поплескаться в нём своим всё ещё немного сонным сослуживцам, распустил помазок и вытер бритву начисто, затем нырнул в пустую землянку, где спрятал эти свои единственные личные вещи, оделся, застегнулся и затянулся полностью, как и полагается заму и комсorghу, и вышел наружу при полном параде.

Никого я этим, конечно, уже не удивил, и слава богу, привыкли, значит. Тем более что вся моя эскадрилья потихоньку тронулась в путь, не дожидаясь команд или понуканий. Ребята понемножку прибавляли шаг, разогреваясь и окончательно просыпаясь по пути, слышались всё более громкие разговоры и шуточки, и мне пришлось их догонять.

— Стой! — за спиной послышался шум мотора полуторки, и я шагнул на середину дороги, преграждая грузовику путь рукой, — куда?

— На КП! — отозвался высунувшийся из окна машины водитель, — потом на поле! Подвезти, товарищ старший лейтенант? Только в кабину садитесь, а то в кузове битком набито!

— Давай! — я рывком открыл пассажирскую дверь, поднялся на подножку и застыл в небольших раздумьях, разглядывая диван. Водитель-ефрейтор правильно понял мои сомнения, он тут же вытащил откуда-то чистую тряпку и бросил её на замасленное сиденье. Я кивком поблагодарил его, уселся и захлопнул дверь, а потом крикнул в открытое окно:

— Кто со мной? Я потеснюсь!

— Не, — дружно отказались снаружи, — примета плохая!

На что я лишь пожал плечами, как по мне, эти суеверия того не стоили. Тащиться два километра с утра по грунтовой дороге до КП, по грязи и лужам, рискуя добить и без того не очень хорошие сапоги, мне лично не улыбалось.

— Товарищ старший лейтенант в столовую спешит! — раздался немного язвительный голос из утренних сумерек, кто-то то ли ещё не проснулся окончательно, то ли встал не с той ноги, — на миску супчику! Мешать ему не надо!

Смешков не последовало, но я напрягся. Мне всё ещё и в самом деле никак не удавалось наесться, в училище-то кормили очень плохо, особенно последние полгода. Жидкий суп на завтрак, обед и ужин, нормально довольствовались только тех курсантов, что шли на фронт. Там я вечно хотел есть, да и нагрузка была очень большой, по семь-восемь часов налёта в день, нельзя столько летать, а здесь официантки разносили вкуснейшие блюда, добавку давали без ограничений, как будто в мирное время попал. Первое время я вообще ел, наверное, по килограмму хлеба в день, потом по привычке, но завтраки, в отличие от всех, ещё не пропускал. Тут же принято было вдоволь есть только за ужином, когда работа заканчивалась, боевые сто грамм давали нешуточный аппетит, на обеде ещё клевали понемногу то, что повкуснее, да и всё.

— Очень смешно! — я решил не спускать и, открыв дверь, высунулся наружу, стараясь разглядеть в сумерках шутника. — Тебе, наверное, если блокадника показать, животик от смеха надорвёшь! Ты слышишь меня, друг?

С этими словами я так ударил по крыше кабины открытой ладонью, что водила подпрыгнул, а летуны молча остановились. И хорошо, что остановились, иначе бы я вылез и, отпустив грузовик, построил бы их всех, что называется, на подоконнике, невзирая на ордена и боевые заслуги. А потом бы ещё и погнал до КП бегом, чтобы успеть до пяти, в качестве физзарядки, туда-сюда два раза.

Но народ безмолвствовал и я, подостыв немного, решил не накалять. В конце концов, дисциплинку подтягивать я умею, считай, почти три года в училище плотно занимался в том числе и этим, тут главное спокойный системный подход, а не выяснение отношений с конкретными дураками. Хотя и не без этого тоже, конечно.

— Ладно, — не став говорить ничего никому вдогонку, я вновь уселся на сиденье и кивнул водителю, — поехали потихоньку.

Тяжело груженная машина, взревев мотором, чуть дёрнулась вперёд, но тут снова раздалась какие-то крики и звали, по-моему, меня.

— Саня! — кто-то нёсся по обочине дороги галопом, застёгиваясь на ходу, — Артемьев! Подожди! Да крикните ему там кто-нибудь, чтобы подождал!

— Да что ж такое, — повинился я перед водилой, высовываясь в открытое окно, — погода чутка. Если что, я выйду, без меня поедешь, не опоздаешь, не бойся.

В бегущем я без труда узнал своего стрелка, Олега Анисимова, и начал открывать дверь, но он вскочил на подножку и, уцепившись за борт кузова, захлопнул её обратно.

— Так поеду! — объяснил он мне и водителю, — давай, трогай! А то ведь у тебя в кабине, Филимонов, только насрать осталось! Вот не обращал я в своё время на вас внимание, а надо было бы!

— Товарищ старший инж... — сбивчиво попытался протестовать водитель, — товарищ Анисимов! Нельзя же на подножке! Сами же запрещали!

— Давай-давай, — легко перебил его тот, не обращая внимания на неловкие оправдания, — ехай! Не знаю как вы, а я уже опаздываю!

Мы жили поэскадрильно, но лётчики и стрелки отдельно, в разных землянках, не знаю уж, отчего так повелось. Может быть, с первых лет войны, когда стрелков на Илах не было в принципе. И комэск ещё обычно отдыхал при штабе полка, с остальным начальством вместе, а с личным составом безвылазно хороводился его зам, то есть теперь это был я.

Но вообще со стрелками порядка не было. Часть из них приходили на фронт из школы стрелков, а туда совали кого ни попадя, даже из пехоты, соблазняя вечно голодную и грязную пехоту усиленным лётным пайком и комфортабельным жильём вдали от линии фронта, ещё меха-

ники летали стрелками, мотористы и оружейники, начальство иногда, если вылет ожидался безопасный, для записи в книжке, или наоборот, если вылет был слишком ответственным и надо было проконтролировать, а ещё штрафники.

Вот и Олег Анисимов, мой стрелок, был из таких. Вообще-то раньше он был целым капитаном и старшим инженером нашего же полка, с настоящим, ещё довоенным университетским образованием, но не так давно оказалась наша часть рядом с его родными местами. День пути на попутках, не больше. Отпросился он провести родных, всё честь по чести, набрал полный сидор гостинцев, тушёнки там, водки, шоколаду, табаку, да и отбыл, весь в смятении и боязливым ожидании встречи с родными. Почти два года он не знал о них ничего, под оккупацией они были, вот и переживал сильно, потому что ничего хорошего ждать не приходилось.

А через три дня тут всё завертелось, я сам не видел, но рассказывали, что, дескать, застрелил кого-то Олег в родных местах, то ли из мести, то ли по пьяни. А скорее всего, что и то и другое вместе. Я сам не интересовался, не лез ему в душу с расспросами, рано ещё, не так сильно мы и знакомы, но был Олег из тех людей, про которых поневоле думаешь, что, если он и застрелил кого-то, значит, так тому и надо.

Правду сказать, во время войны появилась излишняя лёгкость по отношению к человеческой жизни вообще и сведению счётов в частности, но трибунал этого не оценил и дал ему десять лет лагерей с заменой тремя месяцами штрафбата.

Потом наш комполка вместе с комдивом сумели кого-то убедить, что гробить квалифицированного инженера в пехоте негоже, благо что всё это происходило под боком, и Олегу заменили штрафбат тридцатью вылетами стрелком на Ил-2.

Сняли с него погоны, разжаловали в рядовые, сунули в родной полк, он ещё обижаться пытался сперва, дескать, я теперь только стрелок вот и идите все к чёртовой матери, но быстро отошёл. Спрашивали с него теперь вдвойне, но он держался. А к снятию погон и вылетам со мной и до меня, добавилась ещё и обязательная ночёвка в землянке стрелков, особист почему-то именно к этому прицепился и именно за этим следил. Вроде как это была обязательная часть его наказания, чтобы жизнь мёдом не казалась.

— Я с тобой, — повернулся Олег ко мне, — в столовую! Я же теперь стрелок, могу жрать по лётной норме! А то бегаешь весь день с утра до ночи, как конь, калорий не хватает! Супчика похлебать спозаранку — это ж самое милое дело!

Стрелков в столовой кормили по лётной норме, хотя и за отдельным столом, а вот техсоставу приходилось туговато. Голодом их не морили, конечно, но по сравнению с нами питались они очень не очень, спали тоже непонятно где и когда, но тут уж, как говорится, кто на что учился.

— Давай, боец, — снова склонился Олег к открытому окну, — только не страхни меня об дерево какое-нибудь по дороге, лады?

Водитель с готовностью закивал, с хрустом воткнул передачу, и мы поехали.

Глава 2

— Сегодня, скорее всего, что-нибудь будет, — заявил мне Олег, стоило нам усесться за длинный стол в столовой. — Точно тебе говорю. Вчера вечером в штабе работа кипела.

— Хорошо, — я постарался кивнуть ему как можно более уверенней, — если так.

— Именно так, — вздохнул тот и принялся быстро перекидывать в себя горячий вчерашний суп, оставленный специально для нас. — В общем, готовься всерьёз. Техник наш, кстати, может тебе морду сегодня обиженную строить — так ты ему не верь и не замечай. Он у нас рапорт в лётное училище подавал, и вроде бы берут его, так я его вздрючил на прощание, а сегодня вместе с тобой предполётный осмотр проведу, чтоб до печёнок достать, с гарантией. Если песочить начну — не лезь, ты ему не папа, это наши с ним дела.

— Лады, — протестовать я не стал, Олег обычно знал, что делает, так что ради бога. — Тебе виднее. В конце концов, кто из нас двоих тут старший инженер полка?

— Я пока просто стрелок с обширными обязанностями, — он взялся за тёплое какао, — бывает же, чёрт подери... Ладно, ещё пятнадцать вылетов, тьфу-тьфу-тьфу, и вернусь в первобытное состояние. Такая себе преддипломная практика, если честно. Ладно, могло быть и хуже.

Хуже действительно могло быть, причём очень легко и просто, тут Олег был прав.

— Много чего-то тебе навесили, — закинул я пробную удочку, — целых тридцать. Раньше, говорят, пятнадцать давали.

— Раньше было лучше! — охотно подхватил Олег тоном старого деда, а потом перешёл на нормальный, и вроде бы даже немного грустный, — так ведь три месяца штрафбата, Саня! А я там потёрся неделю всего, но мне хватило, на всю оставшуюся жизнь хватило! Как вспомнишь, мороз по коже, бр-р-р. Худо там, Саня, здесь лучше намного, ты уж мне поверь. Атмосфера там такая, — тут он пощёлкал пальцами, подбирая слова, — не располагает она к душевности, атмосфера тамошняя, это если коротко говорить. И в столовой вот так тоже не посидишь, просто потому что нету там столовых.

Я в ответ на это только пожал плечами, мол, всякое бывает.

— Но вообще мне нравится, — он заговорщицки посмотрел на меня, — трёшься вместе со стрелками у самолётов, отойти-то вроде как нельзя, к тебе все бегают с разными вопросами, а ты ими руководишь из такого вроде бы полевого кабинета. Раньше-то я сам носился по всей территории, как лось сохатый, дёргал и тряс того, кто поймается, а теперь всё, баста.

— Рад за тебя, — я допил какао и поднялся из-за стола, — ты всё? Пойдём, нужно быть на КП раньше всех. Тем более, если ты говоришь, что-то сегодня будет.

Но, хоть я и встал раньше него, и сидел я ближе к выходу, догонять пришлось именно что мне. Олег и сам был здоров да широкоплеч, как тот самый лось-сохатый, он и бегал так же быстро, медленно передвигаться мой стрелок с обширными обязанностями уже не умел. Лет ему было под тридцать, я как-то спросил его об этом, но он не ответил. А вообще чувствовалось в нас и какая-то схожесть, и какая-то разница.

Похожи мы были даже не скажу чем, другим виднее, но спелись мы здорово, это точно, это уже был настоящий экипаж, а разница, разница между нами была, например, в том, что я всегда старался быть затянутым в струнку как николаевский солдат, причём это был ещё тот Николай, самый первый, который недоброй народной памяти Палкович, Олег же всегда бегал расхристанным, с расстёгнутым воротом, гимнастёрка его была вся в масляных пятнах, а руки в ссадинах и царапинах.

Любил он возиться со всем сам, и теперь даже свой пулемёт УБТ не доверял никому, чистил, смазывал его и снаряжал ему ленту он тоже сам, и это дало Олегу право с большим

удовольствием тыкать в лицо всем своим бывшим и будущим подчинённым тем фактом, что за все пятнадцать вылетов у него с этим пулемётом не было ни одного отказа.

Мы вышли из пустой столовой и направились в сторону КП, там уже закипала жизнь, но до пяти утра было ещё целых двадцать минут, поэтому лётчиков из эскадрилий там не было, они просто ещё не успели.

Располагался наш аэродром на территории убитого войной бывшего большого колхоза или совхоза, и это было очень удобно. Во-первых, пустые, среди которых имелись даже несколько почти целых, здания подходили нам как нельзя лучше. Столовая, ПАРМ, склады, служба БАО, все они нашли себе место. Единственно — КП полка оборудовали в мощной, здоровенной землянке, вырытой в неприметной сверху лесополосе. Да их там несколько сделали, таких землянок, и все они были замаскированы на пять. А во-вторых, поля этого бывшего сельхозпредприятия отличались площадью и ровностью, и не было там кроме них больше ничего.

Не было болот, как чуть западнее, не было гранитных валунов, как на севере, у Ленинграда, не было и таких лесов, как на востоке, не было и оврагов, как на юге, не было множества извилистых речек или озёр. Широко здесь жили люди до войны, и работали мощно, так что скорее всего был тут именно что совхоз, а не колхоз.

Наши успели засыпать многочисленные воронки от снарядов и бомб, устранить следы давних и недавних боёв, разминировать, вырубить и выкорчевать кое-где целые лесополосы, кое-где восстановить, а кое-где и убрать мешающие телеграфные столбы, в общем, сделали себе простор, целой воздушной армии впору. Тем более что рядом с нами сидели ещё один штурмовой и ещё один истребительный авиаполки, и всем места хватало.

Здесь в случае чего можно было плюхнуться на живот в почти любом месте, не рискуя помешать остальным тушкой своего повреждённого самолёта, и не рискуя воткнуться самому во время вынужденной посадки в какое-нибудь дерево или разбитый домишко.

Был оборудован полигон, куда ходили облётывать восстановленные самолёты, там мы бомбили учебные цели настоящими, а не цементными бомбами, учились стрелять и ходить строем, крутить карусель и вообще отрабатывать взаимодействие.

Мне здесь нравилось, мне до жути хотелось приложить свои руки и умения к этому общему делу, внести свой вклад, ведь именно этого я и ждал долгих три года, к этому я готовился сам и готовил своих курсантов.

— О, Артемьев! — заметил меня стоявший в компании командира полка и всех трёх комэсков у штабной землянки замполит. Он отмахнулся от моих уставных приветствий и требовательно поманил меня за собой. — Ну-ка, зайди!

Я молча подчинился и прошёл мимо всё же кивнувших мне командиров вслед за ним в штабную землянку, где мы нырнули в отдельную, принадлежащую замполиту, комнату.

— Свежо снаружи, — объяснился он мне, хотя я объяснений и не требовал, — да и поговорить толком не дадут. А здесь и печечка, и свет, и бумажки разложить есть где. И не вздыхай ты так, успеешь, куда тебе там надо.

Замполиту нашему было крепко за сорок, да почти пятьдесят, и от этого он немного снисходительно относился к тем, кто родился после революции, но лишь в тех случаях, когда не требовалось применить власть. Он когда-то геройствовал на фронтах сначала империалистической, затем гражданской войны, потом был списан по ранениям, потом чему-то учился, потом руководил чем-то небольшим, но очень ответственным где-то в Сибири, то есть жизненного, военного и партийного опыта у него было на троих.

— Ну что, — замполит плотно уселся за своим столом сам и заставил сесть меня. Тусклая лампочка, работавшая от аккумулятора, вполне позволяла здесь читать и работать с документами. — Как твои дела?

— Нормально дела, Сергей Николаевич, — в тон ему ответил я, обращаясь по имени-отчеству, как он любил, — всё идёт по плану. Сегодня вечером, например, Олег Анисимов будет делать для нашей эскадрильи доклад на тему — о взаимосвязи чрезмерного облегчения винта в полёте на некоторых режимах работы мотора и преждевременном появлении стружки в масле. Ну и ещё кое-какие мероприятия запланированы, вы же знаете, посмотрим, хватит ли на них времени. В отчёте всё будет указано. Боевой листок выпускаю каждый день, там тоже материалов хватает.

— Жизнь без плана — жизнь впустую, — согласился со мной Плотников, — а тему ты хорошую подобрал, нужную. Я бы тоже послушал. А то ведь у нас много таких — в бой прямо рвётся, полечу, говорит, причём на полном серьёзе говорит, я вам этих фашистов на пушки нанижу, привезу на аэродром живьём, а потом шасси у самолёта на ровном месте подламывает. Барон Мюнхгаузен, блин.

Я понимающе кивнул ему, но без особого, впрочем, сочувствия. Этот случай я знал, он произошёл уже при мне, но, слава богу, в другой эскадрилье. Дело в том, что Ил при взлёте несколько сложен в управлении, его ведёт вправо на полосе, это нужно чувствовать спинным мозгом, потому что из кабины ничего не видно впереди себя, нужно плавно увеличивать газ и одновременно давать левую ногу, парируя разворот, и тут легко растеряться, если что-то пойдёт не так.

Вот вроде жмёшь на педаль, жмёшь, а он не идёт, вот ещё немного добавишь, но всё равно нет, потом ещё совсем чуть-чуть даванёшь, на волосок всего, и тут он ка-а-ак развернётся! И это ещё хорошо, если развернётся, а вот если не осмелишься додавить педаль — то тут можно слететь с полосы, что совсем плохо. Я видел, как не только курсанты, но даже и опытные инструкторы ломали самолет в такой ситуации, так что ничего необычного в этом случае нет, хоть и неприятно, конечно.

— Отстранили его от полётов пока, — продолжил Плотников, — другие наказания на этих пацанов ведь не действуют. Тем более что не убил никого, а и такое бывало. Вон, под Москвой один ухарь не удержал самолёт на полосе, выкатился и винтом порубил баб на аэродроме, целых одиннадцать человек, так что... ладно, бог с ним. Можно, конечно, ещё награждение придержать, но это уж совсем подло будет. Потому что отстранение — это воспитательная мера, а награду придержать — прямая обида. Да и как молодому в первой медали отказать, их же сбивают, тут главное успеть, правда ведь? А вот из стариков кое-кто у меня попляшет, хрен комэску-три на воротник, алкашу чёртовому, а не... хотя ладно, не твоё это дело. Так что доклад ваш очень вовремя, будет о чём отчитаться наверх, да.

Насчёт наказания это он правильно сказал, для молодых лётчиков не было худшей кары, чем отстранение от полётов, да и для не молодых тоже. Остальное и правда не моё дело.

— А вообще помощь твоя требуется, — наконец перешёл к делу замполит. — Через час примерно из штаба армии самолёт прибывает, корреспондента привезёт. Дело хорошее, нужное, но не ко времени немного. Соображаешь?

— Нет, — пожал плечами я. — Но помочь готов.

— Так ведь фотографировать будут, — просветил меня замполит. — для газеты! А комэски ни в какую! Примета, говорят, очень плохая, да и некогда им! Если бы он вчера прилетел, другое дело, а сегодня ведь работа ожидается, так что нет! Комполка тоже не хочет, меня они сами не захотят, молодым жирно будет, так что остаёшься только ты — ты ведь у нас комсорг, замкомэска, да ещё и старший лейтенант! А главное, ты только не обижайся, Саша, но лицо у тебя самое что ни на есть плакатное, как по заказу!

Я лишь усмехнулся в ответ на это, а замполит продолжил ковать, пока горячо:

— И затянут ты, Саша, так, ты только снова не обижайся — каппелевцы бы обзавидовались! Всё на месте, всё застёгнуто, всё по фигуре — любо-дорого посмотреть! И я тебе, знаешь, наверное, одеколон свой подарю, мне-то он не нужен, а тебе пригодится. Ты вечером ко мне

зайди, после снятия с готовности, вот я его тебе и отдам. Как раз газеты свежие сегодня привезут, вместе с корреспондентом, почитаем их да обсудим, к политинформации подготовимся.

— Хорошо, — я кивнул головой, соглашаясь. Как говорится, дают — бери, бьют — беги. — А каппелевцы — это из кинофильма «Чапаев»? Ну, которые в психическую атаку ходили?

— Почти, — обрадовался он тому, что я всё понял. — Понавертели всё же в той фильме будь здоров, так что почти.

Замполит наш знал о событиях гражданской войны не понаслышке, видел, наверное, этих самых каппелевцев вживую, так что кому и судить, как не ему.

— А вообще, товарищ Артемьев, — поднялся на ноги Плотников и принялся меня выпроваживать, перейдя на чуть более официальный тон. Для пущей доходчивости, наверное, — ты должен сам знать, как остро стоит вопрос авторитета партийных и комсомольских работников в армии. У меня вот всего шесть вылетов стрелком, да и то на контроль, а больше не дают, потому авторитет есть, но мало, мне самому мало. Да и то верно, — тут он снова перешёл на простые слова, — меня бы в эскадрон, понимаешь, а не в эскадрилью, мне бы коням яйца крутить, а не сюда, так ведь я и в эскадроне за молодыми уже не угонюсь. Вот и приходится здесь соответствовать.

Мы вышли в коридор и поднялись по глинобитным ступенькам вверх, к двери, причём он подталкивал меня вперёд, не давая пойти за ним, как по субординации положено.

— Так что такие политработники, как ты, — наконец объяснил он мне главное, когда я уже отрыл дверь на улицу, — прямо на вес золота. Партийный авторитет держать надо настоящему, запомни это накрепко. Что греха таить — были в нашем полку и такие, которых я сам в девятнадцатом году без сомнений к стенке бы поставил. Теперь нельзя, да. Теперь обоснование нужно, причина, будь они неладны. Теперь нужно ждать поступка, теперь с профилактикой беда. Раньше-то проще было — раз и, руководствуясь революционной пролетарской сознательностью, сразу в дамки. Так что пришлось с ними разобраться по-другому. Все эти нелетающие комсорги, вся эта прочая отстранённая шелупонь — у нас в полку их нет и не будет. Понял меня, Артемьев?

— Предельно, — серьёзно ответил я, остановившись в дверном проёме и посмотрев на него самым холодным и официальным из своих взглядов. Самое интересное, что я был с ним согласен на все сто, замполит вёл дела в полку так, как и должен был вести их настоящий партийный работник в моём воображении, но чем лично я заслужил эти слова, было непонятно, — разрешите идти?

— Да стой ты, — засмеялся он, — дурашка! Обиделся, смотри ты! Саня, я много пожил и скажу тебе так — в девятнадцатом году мы бы с тобой спелись, это я вижу и не спорь, ты парень правильный. Ну, разве что при первом знакомстве я бы тебя к стенке не прислонил за то, что ты больно уж на офицера из бывших смахиваешь. Но сейчас даже я понимаю, что это хорошо, это дисциплинирует, так что ради, гм... бога. Погоны там, остальное прочее... Даже одеколон тебе свой отдам, сказано же, для завершения образа.

— Спасибо, Сергей Николаевич, — поблагодарил я его, немного расслабившись. Никто тут, оказывается, во мне не сомневался. — Было бы не лишним.

— Подарю-подарю, — кивнул мне он и продолжил, — но для полного завершения этого самого образа вот здесь, — тут он хлопнул меня по груди, — тоже должно кое-что появиться. Никто просто так тебе ничего не даст, уж я за этим прослежу, но и обойти не позволю, а ещё, чтобы ты знал: в политотделе дивизии, да что там дивизии, армии, все просто кипятком ссут от радости, когда комсорги и в бой идут и подвиги совершают. Не приходится потом перед командирами глаза прятать, пойми: вот, мол, ваши, а вот, мол, наши, и они ничем не хуже! Авторитет, понимаешь, партийный авторитет подымается! Так что продолжай в том же духе, не сбавляй обороты, а уж мы это мимо себя не пропустим точно.

— Спасибо, — поблагодарил его я ещё раз, — но я сюда воевать пришёл, а не за орденами...

— Ой, всё, — перебил он меня, махнув рукой. — Я ему про Фому, а он мне про Ерёму. Не понял ты меня немного, Саня, ну да ладно, сам виноват. Иди уже.

— Есть, — козырнул я в спину развернувшегося Плотникова и, повернувшись, вышел из землянки, где сразу же наткнулся на ехидно усмехающегося Олега Анисимова, слышавшего наши последние слова.

— Ничего себе! — тут же заулыбался он в мою сторону, — хитёр бобёр! А можно мне с вами тоже?

— Да кто тебе мешает? — я разозлился, потому что, во-первых, разговор и самом деле получился немного двусмысленным и я его не понял, а во-вторых, я всерьёз относился и к своим комсомольским обязанностям, и к самому комсомолу. «Комсомолец, на самолёт!» — этот лозунг определил всю мою жизнь и смешки Олега были мне мало того, что неприятны, так ещё и непонятны. Сам я комсомольцем стал ещё в школе и не потому, что так надо, а по зову души. — Могу помочь! Хотя, тебе двадцать восемь уже есть или ещё нет?

— Есть, Саня, есть, — того было ничем не пронять, а срываться и заставлять его имевать себя по уставу, товарищем старшим лейтенантом мне не хотелось, это было бы просто глупо, — вышел я из вашего нежного возраста, так что мимо. И брось глазами на меня сверкать, пошли лучше самолёт принимать. Нам сегодня на него фотоаппарат присобачили и вот это, Саня, очень и очень плохо. Я так думаю, что замполит из-за этого немножечко тебя раззадорил, не просто так. А меня вот на разговор не позвал, и мне обидно, веришь, нет? Вдвоём же полетим!

— Нет, — буркнул я, понемногу остывая и начиная что-то соображать, — а личный состав эскадрильи где?

— Вон, под кустами валяется, — ткнул пальцем Олег в сторону поперечной лесопосадки, — в ожидании. Все на месте, стрелки тоже. Комэск у комполка, ждут чего-то. Так что пошли, не дай бог прямо сейчас на взлёт скомандуют, не успеем же ничего, только предполётный.

Новость про установку фотоаппарата на самолёт и в самом деле была не из очень приятных, она означала, что лично нам придётся довольно туго. Фотоконтроль в работе штурмовых авиаполков ставился во главу угла, без него могли и боевой вылет не засчитать, потому что ну не на слова же летунам верить, снимок дайте! И вот по этому снимку мы и сами увидим, как вы воевали, и начальству результаты вашей работы покажем, а сказки будете бабушке своей рассказывать.

На работу по переднему краю, по второстепенным, обыденным целям ничего такого не требовалось, там хватало и подтверждения с земли, и фотокинопулемётов, установленных в самолёты. Смотрели они туда же, куда и пушки Ила, и работали так же, от нажатия на гашетку. Но и снимали они совсем немного, да и информации с них было маловато. Ну, видно было только, что стрелял летун в кого-то, а попал или нет — неизвестно, да и привязки к местности тоже нет.

И вот потому на ответственные, важные цели, об уничтожении которых нужно было знать наверняка, посылали в составе групп самолёты с установленным в них здоровенным плановым фотоаппаратом, способным сделать настоящий снимок. Ставили эту бандуру в кабине стрелка, от лётчика требовалось лишь обеспечить условия, а это значило: во время съёмки идти, не шелохнувшись, не маневрируя ни по высоте, ни по курсу, с одной и той же скоростью прямо над полем боя — что было сладким пряником для немецких зенитчиков.

Вот потому все штатные Илы-фотографы в полках уничтожались в начале активных боевых действий, и другая судьба их не ждала. Ну не мог уцелеть самолёт, который заходил на разворошённое, разъярённое осиное гнездо после всех, в гордом одиночестве, и летел там как по ниточке, последним, словно бы издеваясь и облегчая врагам огонь по себе. Несколько раз

подряд этот фокус можно было повернуть, но делать такое на постоянной основе ещё ни у кого удачи не хватило.

И теперь мне стал понятен этот разговор с замполитом — по сегодняшнему снимку будут судить обо мне в полку и выше, и лётчики и не лётчики. Причём свидетельство обо мне будет именно что документальным, слова тут лишние. Привезу чёткий, несмазанный негатив — всё будет нормально, примут за своего и признают право на многое, за успешный фотоконтроль принято сразу же награждать почётной грамотой. Привезу муть непонятную — ну, скажут, дрожат ручонки-то с ножонками у нашего комсорга, а ведь эту муть нужно будет в штабе дивизии или даже армии показывать, и там тоже спросят, кто это у вас такой неловкий. Ох ты ж, да ладно, неужели комсорг? Тот самый, с налётом под три тысячи часов? Да не может быть!

А если вообще ничего не привезу, ведь и такое бывало, обычно отговаривались незадачливые фотографы тем, что, мол, забыли они в боевом азарте щёлкнуть этим незначительным тумблером, так лучше бы мне вообще на свет не рождаться. Это будет позор, липкий, стыдный, невыносимый позор, особенно после всех тех слов и дел, что я успел выдать в этом полку.

— Только бы фотоаппарат не засбоил, — вдруг вырвалась у меня наружу опасливая боязнь непоправимого. — Только б не это.

— Вот! — наставительно поднял палец Олег, довольный тем, что я понял его. — Соображаешь! Хотя, если именно фотоаппарат сломается, отгавкаемся, не впервой. Комиссия, все дела, он же опломбирован. Но осадочек останется, мне-то на это наплевать с высокой колокольни, а тебе припоминать будут, виноват, не виноват — уже неважно. Так что лучше будет нам его принять и проверить.

— Пошли, — рванул я с места к стоянке своего самолёта, — ты, кстати, как — в фототехнике разбираешься? И он заряжен уже? Чем, плёнкой или пластинами? Кто заряжал, кто ставил? И когда, а главное, почему меня не предупредили?

— Пластинами, Саня, — Олег легко догнал меня и пальцами показал, какими именно, — вот такого размера, для качества! А насчёт заряжал и ставил — так чем, как ты думаешь, я вчера вечером после ужина занимался? А не предупредил потому, чтоб спал ты нормально, понял?

— Вот что ты мне мозги полощешь, — я даже остановился, — тебе делать нечего?

— Есть чего, — Олег останавливаться не стал, — я, в отличие от тебя, занятой человек! Но принять его должен ты, привыкай к этому, Саня! Вы, лётчики, вообще разбалованы донельзя, а это неправильно, как по мне! Но раньше-то я молчал, потому как не летал и не воевал, а теперь всё, рот мне не заткнёте, я теперь сам любого прямо с его дерьмом съем в случае чего. Вон, валяется наше крылатое воинство под кустами, привыкли к тому, что всё за них делают, как дети, ей-богу!

— Чтоб тебя, — ругнулся я и молча припустил за Олегом, пускать такое дело на самотёк я не хотел, как не хотел и ввязываться с ним в педагогические споры. Аппарат осмотреть и в самом деле стоило, в фототехнике я понимал, а всё остальное потом.

И мы быстрым широким шагом, другим бы пришлось за нами бежать, рванули вдоль ряда рассредоточенных полукапонигов, накрытых маскировочными сетками, из которых техники с механиками уже начинали выкатывать самолёты. С неба эти укрытия были практически не видны, и я вдруг поразился тому, какую прорву земляных работ провернул наш полк за тот месяц, что я в нём нахожусь. Капониры, землянки, дорожки и полосы, склады и хранилища, та же кухня со столовой — ведь всё это нужно было соорудить и замаскировать, аэродромные команды вместе со службой БАО что-то рыли и строили с утра до вечера, и работа эта не прекращалась ни на минуту. Конечно, лётчики занимались только войной, таков был однажды заведённый порядок, но и Олег не так уж и неправ, когда говорит, что пилоты как дети малые, всё для них сделают, воюйте только. С другой стороны, поговорку про вдруг война, а я уставший, придумали задолго до нас, и в чём-то она права.

Мы прошли мимо выкаченного из капонира Ила нашего комэска, в кабину стрелка которого усаживался совсем уж молодой рядовой, вроде бы я его видел раньше то ли среди техников, то ли мотористов, а рядом, на крыле, стоял старший стрелок нашей эскадрильи и громко, командным голосом, так, чтобы тот проникся, инструктировал подопечного.

— Вот тебе пулемёт! — услышали мы, — он в чехле! Его не трогай! Сиди и смотри по сторонам! Вернёмся — расскажешь, что видел! Понял?

Именно так и делали свои первые вылеты все стрелки, за спиной или комэска, или любого другого ведущего группы. Стрелок замыкающего самолёта самый важный, следующие поменьше, а вот в первый Ил можно садить кого угодно, там летали новички или начальство на контроль, ведь там было безопаснее всего. С земли стреляют по ведущему — а попадают по ведомым, от этого всё.

И главная задача нового стрелка была именно что смотреть по сторонам и попытаться при этом хоть немного понять, что в этот самый момент происходит, а не хвататься за пулемёт. Потом, на земле, его будут дотошно выспрашивать комэск и другие стрелки, что именно он сегодня видел, какие самолётики вокруг кружились, наши или чужие, заметил ли он, когда атаковали его соседей, видел ли он, кто что делал, сообразил ли он вообще ну хоть что-нибудь.

Но надежды на то, что новоиспечённый стрелок, как бы он ни готовился, поймёт хоть что-то в первом вылете, не было никакой, и все об этом знали. Любому стрелку, да что там стрелку, лётчику, нужно было совершить вылетов пять, прежде чем начать что-то видеть и понимать. Но, если от стрелка требовалось просто смотреть по сторонам, лётчикам было сложнее и проще одновременно. Летуну в первых вылетах нужно было идти, как приклеенному, за своим ведущим, смотреть во все глаза на него и делать всё то же самое, что делает он, остальное придёт со временем.

Идёт твой командир ровно — и ты иди так же, держи дистанцию и интервал, нырнул он в атаку — и ты ныряй, бросил он бомбы — и ты дёргай за «сидор» да стреляй туда же, куда стреляет он. Умничать не надо, твоя главная задача на первые вылеты — сходить в бой и вернуться, умение видеть землю обязательно придёт потом вместе с опытом.

Мне же, кстати, это обязательное боевое взросление оказалось не совсем нужным. Я с первого вылета здесь видел и землю, и строй, и цель, и маршрут, и ориентиры с воздухом. Крутить головой меня приучили крепко, соображать, что делаешь, тоже, и на пилотирование я не отвлекался, управляя самолётом на автомате, а уж штурманской подготовкой я загонял себя здесь сам, но теперь мог ориентироваться детально на пятьдесят километров в радиусе от переднего края, а в общем и целом — так и на все триста.

Конечно, оба свои боевых вылета я провёл в ведомых у комэска как у Христа за пазухой, в начале строя, но сегодня что-то изменится, фотоаппарат воткнули не зря. Единственное, не хотелось идти кому-то из эскадрильи в ведомые, но и в ведущие меня вряд ли поставят, комэск ценит и не разбивает пары, так что посмотрим.

— Залазь! — Олег остановился позади левого крыла нашего самолёта, уже заправленного и полностью снаряжённого, — смотри! А я пока с техником по узким местам пробегусь!

Я без слов поднялся и откинул фонарь его кабины на правый борт. Ну что сказать, по сравнению с пилотом у стрелка всё было намного проще и веселей. Сидел он, во-первых, на простой брезентовой ленте вместо сиденья, а во-вторых, из хвалёной бронезащиты тут была всего лишь небольшая плита со стороны хвоста в шесть миллиметров толщиной, и ничего тут больше не было, с боков и снизу фанера.

Вообще стрелок по сравнению с лётчиком летал практически голым, оттого и потери среди них были больше. Пушечного комфорта добавлял бензобак между нашими спинами и головами, но и тут был он отделён от меня бронеплитой в двенадцать миллиметров толщиной, тогда как Олега отгораживали всё те же сиротские шесть.

Фотоаппарат воткнули в фюзеляж справа-снизу-сзади от кабины стрелка, я-то опасался, что будет турельный вариант, на замену пулемёту, что было бы совсем кисло. Тумблер выключения вывели ко мне в кабину, потому что мне виднее, когда им щёлкать, ну что может увидеть Олег, сидя спиной вперёд? И тумблер этот я проверил особенно тщательно, тросик скользил внутри пружинной рубашки легко и свободно, без большого люфта и слабины, винт регулировки был тоже затянут надёжно. Вообще всё было сделано очень и очень аккуратно, всё сидело на своих местах как влитое, что для меня было показателем качества работы. Нормально сделанное видно сразу.

Успокоившись, я ещё раз осмотрел всё, но уже сверху вниз и, закрыв кабину стрелка, прыгнул на поле, к о чём-то спокойно разговаривавшим Олегу и Мишане, нашему технику. Тому самому молодому младшему сержанту, что, по словам моего стрелка, уходил от нас в лётное училище. Молодец, что ещё тут скажешь.

— Истребитель, Миха, король воздуха! — втолковывал один другому, — и ещё сам себе велосипед! Ручку на себя — и в небе тает, все беды позади! Туда пытайся, понял меня? Саня, скажи ему!

Я отмахнулся от попытавшегося что-то отрапортовать мне техника, рано ещё принимать доклад о готовности, это надо делать прямо перед вылетом, и поддержал Олега, но немного не так, как он хотел:

— В истребители, Михаил, оно и правда лучше. Их и учат плотнее, и почёту больше. Вот только на войну уже можешь не успеть, я в ЗАПах видел таких, что с сорок первого года сидят, ждут у моря погоды. А вот у нас с вакансиями много легче, без работы не останешься.

— Понял, да? — ничуть не смутился Олег, — в истребители пытайся залезть, дурья твоя башка, старший лейтенант дело говорит!

— Да как он это сделает, — пришёл я на помощь возмущившемуся, но не успевшему ничего сказать Мишане, — там ведь не угадаешь, откуда разнарядка придёт, туда и сунут, на желания твои там всем наплевать. Или построят по росту, скомандуют на первый-второй рассчитайся, и первых в одну школу, вторых в другую. Или по алфавиту то же самое, через одного выдёргивать будут. Тут уж, товарищ техник, как повезёт.

— Всё равно, в штурмовики хочу, мне обещали, — немного угрюмо сказал Мишка, косясь на Олега, — потому что этот самолёт я знаю как облупленный.

— Да какая разница! — взвился мой стрелок, — Знает он! Чем тебе это поможет? Все они одинаковы! Фюзеляж, мотор и крылья! Даже вот эта, — тут он ткнул пальцем в показавшийся вдали и вроде бы собравшийся к нам на посадку Ли-2 в сопровождении пары истребителей, — корова транспортная, тебя на него отучи — и будешь летать как миленький!

— Это к нам, что ли? — перебил его я, вглядываясь в неспешно снижающийся самолёт. — А кто там может быть?

— К нам, к кому же ещё, — ответил немного удивлённо посмотревший на меня Олег, — и тебе ведь сейчас замполит рассказывал, кто там может быть. Забыл, что ли?

— Ну, тогда пойду, — я внимательно осмотрел себя на предмет нарушения формы обмундирования, но ничего не нашёл, — не буду заставлять себя искать.

— Я с тобой, — тут же оторвался от техника Олег, — Мишка, замечания устранить, на помощь другим сегодня не отвлекаться, у самолёта будь. И в порядок себя приведи, не дай боже тебе в таком виде на глаза высокому начальству попасться.

— Есть, — козырнул тот, — быть у самолёта и не отвлекаться. А это что, начальство прилетело? А зачем?

— Не твоё зайчачье дело, — ответил ему Олег уже на ходу, — и рожу, рожу хотя бы умой, блин!

— Есть, умыться, — снова козырнул ему Мишка и, проводив взглядом заходящий на посадку транспортник, опрометью кинулся куда-то под навес, очень надеюсь, что приводить себя в порядок.

— Правильно поступаешь, — меж тем ткнул меня в бок Олег, — попросили тебя о чём-то — сделай с перевыполнением, замполит оценит. И я с тобой схожу, посмотрю, кто это у нас такой прилетел, вдруг артисты какие-нибудь, потом к своим сразу, может, задачу будут ставить. И ты, кстати, тоже далеко от КП не отходи, даже и с корреспондентами, а то мало ли что.

Ли-2 тем временем, пока мы торопились, успел сесть и зарулить подальше от КП полка и от наших капониров, освобождая взлётную полосу для истребителей сопровождения. К нему тут же направилась штабная эмка с замполитом в кабине и одна полторка из тех, что почище, за грузом, да заправщик с парой техников. Ну и пока они там встречались, грузились и заправлялись, мы успели подойти на КП, где под навесом стоял командир полка вместе со всеми комэсками, а в лесополосе за ними сидели в тени деревьев все лётчики полка.

— Под рукой будь, — тут же указал в мою сторону пальцем комполка, а потом перевёл его на подъезжающих, — корреспондентов на себя примешь. Тебя же замполит предупредил, верно? И шариться по территории им не давай, нечего им там делать.

— Есть, товарищ майор, не давать шариться, — вскинул руку к голове я, — и да, предупредил.

— Ну и отлично, — выдохнул он и вновь перевёл взгляд на приближающиеся машины, — встань за мной сзади. А ты, Олег, к стрелкам иди, не маячь тут.

И Олег вроде бы сделал вид, что услышал и подчинился, но на самом деле никуда не пошёл, да и остальные подтянулись поближе, у всех, как я понял, была нешуточная надежда увидеть неведомых артистов.

— Не, мужики, — разочаровал всех комэск-три, разглядевший гостей в бинокль, — там баба какая-то рыжая, с ней задохлик в очках, а в грузовик газеты выгружают и ещё что-то там. Вон, летуны уж и дверь закрыли, наши их заправлять сейчас будут. Всё, никого больше.

— Слышали? — комполка развернулся и без тени панибратства разогнал всех одним коротким приказом, — по местам!

Народ подчинился, хотя кто-то посетовал на то, что, вот, могли бы и корреспондентку посмотреть.

— Корреспондентку? — немного насмешливо ответили ему из толпы, — да это она на тебя смотреть будет! А ты официантке в столовой улыбнуться боишься лишний раз, даже после ста грамм! Иди уже, пока и самом деле никому на глаза не попался! Вон, товарищ старший лейтенант тебе потом всё расскажет, если захочешь!

Я покосился влево на говоривших и увидел двух старших сержантов из моей эскадрильи.

— Обязательно расскажу, — подтвердил я слова одного из них второму, — на политинформации. В деталях. О времени проведения сообщу вам лично дополнительно. Ясно, товарищ старший сержант?

— Так точно, — немного суетливо козырнул мне воспринявший мои слова всерьёз Димка Говоров, кто-то довольно хохотнул в ответ ему, но на этом всё и закончилось. — Ясно, товарищ старший лейтенант!

Вообще этот самый сержант Говоров был, наверное, самым младшим у нас в эскадрилье, причём не по возрасту, а по поведению и по характеру, что ли. Сплошь и рядом такое, вот поставь тебе несколько восемнадцатилетних новобранцев в одну шеренгу, и обязательно один из них будет таким головорезом, что не дай бог тебе с ним встретиться вечером на узкой дорожке, из остальных большинство будут нормальными, крепкими ребятами, которым можно и на работу, и на учёбу, и в бой, да хоть куда, и непременно один затешется такой, которого детство всё никак отпустить не может, вот и Говоров, а его в эскадрилье иначе как Димкой и не называли, был из таких.

Хотя, с другой стороны, я давно уже понял, что уверенность в быту не всегда означает уверенности в бою, и совсем не всегда она означает умение и квалификацию. И комэск Воронцов, видевший людей насквозь и даже глубже, ни капли не ошибся, поставив в этой паре, а эти два сержанта были почти уже слётанной парой, именно Говорова ведущим.

Димка, несмотря на свою застенчивость и простодушие на земле, объективно летал лучше, он чувствовал самолёт, он быстрее разбирался в обстановке и мгновенно принимал правильные решения, в отличие от своего ведомого Никитина, более уверенного на земле и в общении, очень смелого с официантками, но безбожно тормозившего в воздухе.

А ещё этот самый Димка, как банный лист, лип к тем, кто постарше, всё он пытался к кому-то прислониться, и вот уже три недели это был я. Он всё время по-щеничьи тёрся рядом со мной, помогал мне рисовать боевой листок, напрашивался на внеплановые учебные полёты и радовался им, слушал и принимал на веру любые мои слова, даже замирая на месте от почтительного внимания и я, мысленно вздохнув, отталкивать его не стал. В конце концов, парень он был хороший, правильный, а что до всего остального, так ведь вырастет ещё, куда он денется.

— Давайте-давайте, ребята, — и я показал им пальцем на приближающуюся легковушку, — по местам. Подъезжают уже.

И вот на поляне перед входом в землянку не осталось практически никого, комполка с комэсками и прочими штабными ушли внутрь, лётчики со стрелками отправились под деревья, ждать у моря погоды, в общем, остались только я да Олег, который присел на траву в тенёчке рядом со мной.

Я не обратил на него внимания, лишь оглядел себя, стряхнул кое-где пыль, расправил гимнастёрку с ремнём и стал ждать.

Глава 3

Эмка подъехала и встала чуть поодаль, водитель загнал её в лесополосу для пущей маскировки, гулко хлопнули двери, и за кустами я увидел нашего замполита, в компании какого-то ужасно штатского на вид лейтенанта в круглых очках, и с ними девицу лет двадцати-двадцати двух навскидку, к описанию которой очень хорошо подошло бы слово лихая или даже бедовая, до того независимо и по-боевому она держалась.

— Ух ты! — оценил её вставший рядом со мной Олег, — какая симпатичная да рыженькая, прямо огонь, смотри ты! И от этого вполне может быть, что даже из хорошей семьи! Но нет, не моё, так что пойду себе.

— А чего нет-то? — удивился я, — сам же сказал, симпатичная. Да и потом, мы же её не на вечеринку приглашаем. Всё по делу, рабочий момент.

— Велик риск, — вздохнул мой стрелок, — что будет она меня на вы называть. Воспитанные девушки, как бы они при этом не выглядели, иногда бывают излишне вежливыми, чёрт бы их всех подрал. Вон, смотри, покраснела!

И действительно, эта девушка, потому что теперь, когда я к ней присмотрелся, у меня язык бы не повернулся вновь назвать её девицею, зарделась перед нашим замполитом словно маков цвет. А случилось вот чего: она, только-только выбравшись из машины, приняла чрезвычайно независимый вид и вытянула из кармана пачку папирос, при этом ловким, отточенным и натренированным щелчком выбив одну из них себе прямо в зубы. Замполит опешил было, но, когда она попыталась так же лихо прикурить, выхватил папиросу у неё изо рта, и теперь что-то по-отечески выговаривал ей, а она краснела и отчаянно смущалась. Олег ехидно захихикал, да и я улыбнулся.

— Детский сад, — окончательно успокоился мой стрелок, — штаны на лямках, вот теперь понятно всё с этими корреспондентами. Ты с ней полегче, Саня, даже если выкаблучиваться начнёт, видишь же... Ладно, пойду я.

— Вижу, — подтвердил я, — как такое не увидеть. Иди уже, нормально всё будет.

И Олег в самом деле ушёл, тут же выбросив этих корреспондентов из головы, а я остался. Ещё раз оглядел себя, порадовался тому, что побрился, да наплевать с высокой колокольни на все эти приметы, и вот тут они втроём на меня и вышли. Замполит плотно взялся за субтильного очкастого лейтенанта, видно было, что этому репортёру звание дали только затем, чтобы от него в частях не отмахивались так уж сильно, и в их разговоре уже мелькали фразы про наглядную агитацию и боевые листки, про процент охваченных чем-то там и прочее, очень заинтересовавшее, кстати, этого лейтенанта. Шёл живой разговор и на меня они едва посмотрели, да и то замполит просто оглянулся на эту девушку-сержанта и указал в мою сторону пальцем, вот, мол, вам обещанный натурщик.

— А что, — выбралась она из-за их спин и подошла ко мне метра на два, вроде как чтобы бросить профессиональный взгляд. Осмотрела с ног до головы оценивающе, так цыгане смотрят на лошадь, и заявила, забыв поздороваться, — Неплохая фактура! Есть, с чем поработать!

Замполит с лейтенантом притормозили в разговоре и посмотрели на меня, но я дал им лёгкий знак рукой, мол, не беспокойтесь, всё нормально. Конечно, того же Димку Говорова, да и не только его, эта столичная штучка просто убила бы наповал этой своей «фактурой», причём с гарантией, но тут был я.

А я, да что я, свою закалку медными трубами я уже прошёл, немного преждевременно и незаслуженно, правда, ну да что уж теперь, тем более что вот, пригодилось же. В училище до войны мне платили семьсот рублей ежемесячного денежного довольствия как инструктору, получалось раза в два побольше чем у мастера на заводе, и это при бесплатном питании по форме 8а — а там был и шоколад, и всё, что хочешь. Форму нам пошили специально каждому,

как на выданье, по фигуре, а я ещё до войны плотно занимался гимнастикой на снарядах, успел набрать на довоенном питании килограмм десять мышц, да и потом это дело не бросил.

Так что, когда мы выходили на вечерние прогулки и шли по улицам, хорошо одетые, в своих длинных синих шинелях, в хромовых ворошиловских сапогах — чёрт, да нам аплодировал весь город! Отношение к нам было самое хорошее, а уж девушки улыбались нам так, что... Да и замполит не зря сказал, что морда у меня плакатная, а ему можно верить. Вот потому так и вышло сейчас, что для меня этот самый её столичный шик был что слону дробина.

— Неплохая фактура, да, — скучающим тоном согласился я с ней, — повезло вам. А теперь, товарищ сержант, подойдите и обратитесь как положено.

Девушка возмущённо вспыхнула и обернулась к тем двоим, ища поддержки, но замполит просто кивнул мне и со спокойной душой потащил очкастого лейтенанта в свою землянку, показывать столь милые его сердцу графики и прочую наглядную агитацию.

— Выполняйте приказ, — вновь всё тем же ровным тоном посоветовал я, и она подчинилась, да и что ей было делать. Девушка медленно, борясь с собой, отошла от меня, а потом резко развернулась и, вскинув правую руку в воинском приветствии, врубила строевой шаг.

— Товарищ старший лейтенант! — выкрикнула она мне прямо в лицо, остановившись в паре метров, чуть ближе, чем надо было, — сержант Рябинина! Разрешите обратиться!

— Разрешаю, — сказал я и, видя, что она замялась, с удивлением понял, что она просто не знает, как там дальше нужно, — и можете своими словами. Хотя строевую подготовку вам надо бы подтянуть, сержант Рябинина. Учтите, пожалуйста, моё замечание на будущее.

— Прибыла в ваш полк в командировку, как фотокорреспондент, от фронтовой газеты, — выдохнула она и отвернулась, прикусив губу, в уголках глаз её появились злые слёзы и больше, как я понял, разговаривать со мной она не захотела.

Пока сержант злилась, я успел рассмотреть её и решил, что прав был Олег и что зря я с ней так, можно было бы и полегче, она бы поняла и простыми словами. А вообще хорошая была девушка, отчаянно рыженькая, в веснушках, с большими тёмно-синими глазами и, несмотря на напускной лихой вид, домашняя донельзя. Хотя форма на ней сидела как влитая, тут она постаралась, да и фигурка в этой самой форме была, как у нас иногда говорят, с высоким центром тяжести — спортсменка, наверное. На животе у неё болталась самая настоящая «лейка», висевшая на перекинутом через шею ремне, это я тоже оценил. Такую не враз и достанешь, у нас ведь и «ФЭД» за удачу можно считать.

— А уж как мне обидно было, — вдруг по-простому сказал я, и она чуть вздрогнула, — с утра готовился, ждал, мылся-брился, и тут на тебе — фактура, говорят. Один-один. Так что давайте мириться, товарищ Рябинина.

Я протянул ей руку, но она отвернулась ещё дальше, чтобы проморгаться, и мне пришлось продолжить:

— Если захотите, буду позировать вам во все стороны света, прямо как настоящий индеец, и слова против больше не скажу, — она чуть хихикнула и, наплевав на обиду, вытерла слёзы рукой. — Меня, кстати, Александр зовут, Артемьев. Можно просто Саша. И давай на ты, ладно?

— А я Марина, — она повернулась и пожала мне руку, лёд был сломан, — очень приятно, Саша. Только почему как индеец?

— Ну, как же, — я картинно повернул голову влево, чуть задрав её и выпятив нижнюю челюсть, ведь именно так, по моему мнению, выглядели настоящие индейцы, — вот, как гордый орёл!

— Очень, очень хорошо! — вдруг засуетилась она вместо ожидаемой улыбки, начав хватать свою «лейку», — вот так и стойте! Прямо находка! Я сейчас!

Я расправил плечи и приосанился, гулять так гулять, и она, быстро проверив настройки фотоаппарата, сделала пару тщательно выверенных кадров, причём чуть присела передо мной, для героического ракурса снизу-вверх.

— А ловко ты, — без тени лести похвалил я её, — вот теперь чувствуется, умеешь.

— Так ведь я училась у самого Штеренберга, — объяснила она, очень довольная тем, что я сумел оценить её квалификацию. — По-настоящему, на портретиста. Вы себе даже не представляете, Саша, как...

— Ты, а не вы, — перебил я девушку, — договорились же!

— Хорошо, — с некоторым усилием согласилась она, а я подумал, что вот Олег снова оказался прав. Пожалуй, что перед ним она бы пересилить себя не смогла, — ты. Так вот, ты не представляешь, как он нас учил! И «лейку» вот эту, — тут она потрясла передо мной фотоаппаратом, — он подарил, а там такой объектив! И во «Фронтovou иллюстрацию» меня с его подачи взяли!

— Ух ты! — этот журнал мы знали, и достать его было для нас радостью великой. В-первых, был он редкостью, а во-вторых, это и правда был здоровский журнал. На шестнадцати листах, с трёхцветной печатью, наполненный качественными фотографиями с аннотациями, рисунками, карикатурами — очень интересно было его полистать на досуге. Там не печатали больших статей, там были только иллюстрации, за что его и ценили. И, кстати, хранили, в отличие от газет. — Здорово!

— А то! — Марина улыбнулась, — готово! Двадцать четыре кадра было — двадцать два осталось! Чем остальные наполнять будем?

— А какое у тебя задание? — спросил я, чтобы хоть немного сориентироваться.

— Ну, вообще фото сделать, иллюстративное, и для себя, и для фронтовой газеты... — как-то неопределённо и неуверенно ответила она, но потом спохватилась, — и комсомол чтобы был!

— Ну, если надо, — ответил я, разворачиваясь к стоянкам, — то будет! Я, вообще-то, целый комсорг эскадрильи, тебе разве не говорили? Так что пойдём, Марина, к самолётам, а там уже и решим.

— Точно! — обрадовалась она, — это же можно сделать фото у самолёта со всех ракурсов, а ещё, вот, знаешь — прислонившись к лопасти винта! Очень атмосферно получается, давно мечтала! Сделаем?

— Конечно, — мне оставалось только вздохнуть, — я же обещал. К лопасти, так к лопасти. Только поторопиться бы надо, не дай бог готовность объявят.

— Всё-всё-всё! — заторопилась она на словах, при этом очень тщательно и медленно надевая крышечку на объектив, — пошли! А ты, Саша, не ленинградец? Я всех поговору угадываю, а с тобой непонятно немного, хотя и говоришь ты правильно.

— Дальневосточник я, — мне всё же удалось увлечь её за собой. — В Комсомольском аэроклубе начинал. А у нас там почти все недавно приезжие, причём отовсюду, потому свой диалект составить и не успели. Говорим так, как по радио слышим, правильно, а над всеми остальными из-за этого смеёмся.

— Здорово! — обрадовалась она, — Комсомольск-на-Амуре! Это же так здорово, это же всесоюзная стройка, я ведь тоже туда хотела, в хетагуровки, только меня мама не пустила! Я ведь из-за этого и в фотокорреспонденты пошла, чтобы всё самой увидеть! И Дальний Восток, и Чукотку, и Камчатку, и Сибирь, и всё остальное! И природа там у вас, говорят, настоящая, дикая!

— Это правда, — ответил я, мимоходом подумав о том, что мама у неё молодец, по большому счёту. У нас там чувствовали себя хорошо другие, более уверенные в себе барышни, а вот именно ей было бы там тяжело. — Природа у нас богатая! Шесть тысяч видов животных насчитывает наша природа, из них только комаров да мошки — все пять тысяч!

— Да ладно! — засмеялась она этой старой дежурной шутке, — прямо пять тысяч! И ещё, Саша, ты не сильно обиделся на фактуру? Согласна, по-дурацки получилось, только я уже устала доказывать всем, что умею, что я не просто так! А ещё, ты знаешь, часто все начинают как дураки себя вести, как будто женщины никогда не видели! Если б ты только знал, как это мешает!

— Так ты и не доказывай, — посоветовал я ей, немного подумав, — ты устав врубай, если что, и не бойся прыгать через головы — ты же не рядовой сержант, ты же пресса, понимать надо. Так и так, у меня редакционное задание, разрешите его выполнить, окажите содействие, предоставив то-то и то-то, иначе ослаблю на весь фронт в газете с фотографией, этого очень боятся, прямо по-настоящему боятся, ты не смейся, вот и всё, точно тебе говорю. Кстати, пришли, вот она, моя ласточка!

Я остановился и показал рукой на свой самолёт, возле которого застыл с выпученными глазами, но, слава богу, хоть чистый и умытый, Мишка-техник. Марина, покосившись на меня, очень вежливо и ласково поздоровалась с ним, отчего он немедленно и густо покраснел.

— Всё, — отвернувшись, шепнул я ей, — он теперь твой навеки, но ты с этим не шути, — а потом, добавив голоса, спросил, — ну, куда мне встать?

— Так, — тут же перешла в рабочий режим Марина, — свет хороший, но можно самолёт чуть развернуть, чтобы солнце точно в бок ему смотрело? Можно? Ну, вы тогда двигайте, а я пока подготовлюсь. Вместе работать будем!

Мишка замахал куда-то призывно руками, из кустов к нам подтянулись человек пять техников, и они со мной вместе принялись разворачивать самолёт, поднимая и занося влево его хвост. Работали быстро и ловко, как на пожаре и, что самое странное, ни один из них при этом не навернулся, ведь смотрели они все сейчас, кроме разве что меня, не туда, куда надо.

— Спасибо большое! — встав перед солнцем и полыхая оттуда в его лучах на всех нас живым огнём в своих рыжих волосах, поблагодарила Марина, — а я вам, если хотите, общее фото сделаю! И в полк потом пришлю, вы только скажите количество!

— Конечно, хотим, — отозвался из-под маскировочного навеса на капонири один техник в годах, — только давай, дочка, так — ты нас фотографируешь быстро, и мы тут же разбегаемся — некогда нам. Некогда, говорю! — повысил он голос на одного своего что-то забурчавшего подчинённого.

Они быстро сгруппировались перед моим самолётом, а я к ним лезть не стал, тем более что меня и не приглашали. Марина сумела очень художественно как-то их расставить и, тщательно примеряясь, не торопясь, сделала шесть кадров, дополнительно что-то меняя в их компании перед каждым новым снимком. То туда направьте взгляд, то сюда, а вот именно вы присядьте, а вы привстаньте, посмотрите на меня все и улыбнитесь, вот так, очень хорошо, — чувствовалась школа. Техники и правда лыбились ей как никому в полку раньше — наверное, и в самом деле очень атмосферные, как она говорит, фото получаются.

— Всё! — убрав фотоаппарат от лица и шутливо поклонившись нам, заявила Марина, — всем спасибо! Сделаю по одному большому да по одному среднему отпечатку на каждого, есть у меня хорошая бумага, и тут же пошлю вам, дайте только до редакции добраться! А если за месяц не дойдёт или помятое будет, пишите во «Фронтовую иллюстрацию» Рябининой Марине, Москва, улица «Правды», дом двадцать четыре, снова отправлю!

— Спасибо, дочка, — за всех поблагодарил её старший техник и, не дав никому опомниться, погнал подчинённых по рабочим местам. Мишка тоже, посмотрев на меня, правильно прикинул шансы и умотал под навес, не став отсвечивать у самолёта, и мы остались одни.

— Ну, — наконец вышел вперёд я, — говори, что делать!

— Очень мне повезло с тобой, Саша, — Марина подскочила ко мне и, вцепившись в руку, оттащила к носовой части самолёта, — а то ведь кочевряжатся все, знакомиться пытаются,

не понимают, что это очень важно, это же фотоистория! А уж вас, лётчиков, говорят, и не заставишь!

— Так примета плохая, — объяснил я ей. — Но я в приметы не верю, так что давай. А ты что же, раньше лётчиков не фотографировала?

— Раньше я окопы копала, в сорок первом году, потом в паспортном столе фотографом служила, потом совсем чуть-чуть в милиции, тоже фотографом, насмотрелась там всякого, и вот только недавно сюда, — она поставила меня в какую-то особо героическую позу, показала, как расправить плечи, поправила мне воротник и ремешок планшета на плече. Потом отошла назад, что-то прикинула и осталась довольна, принявшись колдовать над фотоаппаратом.

Я же стоял с гордо вывернутой и чуть задранной вверх головой у самолёта, над моим левым плечом высился кок винта, над правым выхлопные патрубки, и сам я весь немного подался влево и вперёд, как она и просила, а на Мишкины обалделые взгляды мне было откровенно наплевать.

Потом Марина, присев на одно колено, сделала два фото, и я с неожиданной тоской подумал, что вот, осталось всего четырнадцать, надо бы помедленней. Но делать ничего не стал, чтобы не мешать ей, тем более что Марина увлеклась работой не на шутку.

То она фотографировала меня прямо под винтом, то вдали от него, то сбоку от самолёта, и чтобы я непременно рукой за крыло держался, то в кабине, то рядом с ней, то под крылом спереди, у пушечного ствола, то ещё как-нибудь. И на каждом фото я делал разные выражения лица, по крайней мере пытался, то задумчивое, то целеустремлённое, то простое, с улыбкой.

И два снимка вышли откровенно хулиганскими, на одном я, отставив ногу в сторону и запустив большие пальцы расслабленных рук за поясной ремень, с нагловатой усмешкой, как она и просила, смотрел чуть мимо объектива, а самолёт был метрах в тридцати за моей спиной, но зато влезал в фото полностью. А для другого мы с Мишкой крутили лопасти винта, но Марине нужно было, чтобы я расслабленно откинулся всей спиной на эту лопасть и так же расслабленно смотрел куда-то вдаль, и у нас получилось, хоть и неудобно было, пришлось ящики подставлять.

А потом плёнка в фотоаппарате кончилась и Марина недоумённо, словно чего-то испугавшись, посмотрела на меня.

— Надо пойти, — словно что-то кому-то пытаюсь объяснить, сказала она, — доложиться...

— Так мы и пойдём, — уверенным командным голосом ответил я, — доложимся. Но не сейчас. Лейтенант-то ваш от замполита нашего так ещё и не вылез, зачем им мешать? Люди, между прочим, серьёзным делом заняты. А мы пока, чтобы нас весь полк не разглядывал, давай вот по этой полянке погуляем, да ты мне про Москву расскажешь, хорошо? Я-то ведь не был ни разу, но очень хочется.

— А ты мне про Комсомольск! — оживилась она, — тоже не была, и тоже хочется! Пойдём!

И мы пошли. Я первым, показывая дорогу, она за мной. Просто полянка там и в самом деле была красивая, небольшая, но очень уютная, с цветами и пышными деревьями.

— А Комсомольск, чтобы ты знала, Марина, — заговорил я, не дожидаясь неловких уточнений, кто первым начнёт, — в очень странном месте построен, я такого больше и не видел нигде. Вот представь себе — стоит город на бильярдном столе, до того там всё ровно! А вокруг сопки со всех сторон, и река с одного боку, между городом и сопками! И от этой ровности, когда осенью с Японского моря тайфуны приходят, там такие лужи на улицах образуются — самые большие на весь Советский Союз! Мелкие, но здоровенные — метров по пятьдесят каждая! А в реке по сезону красную рыбу ловят — кета называется. В городе так, стараются, кто умеет, а вот все деревни ниже и выше по течению Амура только за счёт неё и живут. Кетин двести-триста на год средней семье хватает, ещё и собакам остаётся, больше это уже на

продажу. Что ещё, летом тепло, зимой дубак жуткий, так что зимой туда не ездят, в сентябре ездят, к свежей рыбе. Люди у нас там всякие попадают, но хороших тоже много, всё же не Колымские прииски, хоть и похоже местами, говорят. Да, сам я деревенский, из села между Комсомольском и Хабаровском, вот.

— Здорово! — не скажу, что выслушала она меня с горящими глазами, но с большим интересом, как будто примеривая мой рассказ на свои будущие путешествия. — А сам город, какой он?

— Так его строят ещё, — пожал я плечами, — и то в основном заводы, потом видно будет. Но мне уже нравится. Проспекты разбили широкие, после войны их домами заполнят, наверное, хорошо будет. Всё, теперь твоя очередь. Давай, про свою Москву мне расскажи. В каком районе родилась, в какой школе училась, и каким именно ветром тебя в фоторепортёры занесло.

— Так тебе про Москву или про меня? — засмеялась она, — хитрый какой! Ну ладно, слушай...

И Марина, потихоньку увлекаясь, начала мне рассказывать не про свой город, а про свою в нём жизнь. Я узнал про её семью, живущую хоть и в коммунальной квартире, но зато в самом что ни на есть центре, и что мама у неё врач, а папа тоже врач, но больше наукой занимается. Про младших брата и сестру, про школу, про походы в театры и художественные галереи. Про то, что из-за этих походов она увлеклась искусством и поэзией, в отличие от своих младших, изменила докторской семейной династии, а у неё ведь и дедушка врач, и прадедушка тоже, да и прапрадедушка, говорят, деревенским лекарем был. И про то, что она подростком кинулась в живопись со всем возможным пылом, ведь в Москве для этого есть все возможности, но потом, повзрослев, поняла, что не вытягивает. Вот чутьё на прекрасное у неё есть, чужое оценить сумеет, но создать своё с нуля не очень получается. И тогда она, вдоволь посокрушавшись, так же, с тем же пылом, кинулась в фотографию. Поступила в какой-то институт культуры на это дело, хотела было в кинооператоры во ВГИК, но не прошла, к сожалению. А вот теперь даже и довольна, что не прошла.

— Ты пойми, ведь фотография — это настоящее искусство! — горячилась она, убеждая меня в том, в чём я и так был уже с ней согласен, — это запечатлённое мгновение! И у меня получается его поймать! Я тебе не вру, получается! Это прорва работы, ведь столько ещё не объято, столько не охвачено, столько всего всё ещё ждёт, когда его сфотографируют! Люди, лица, события, города и реки! Я без дела вообще не сижу, как некоторые, ты их не знаешь, мои работы ценят, у меня их берут сразу, я уже и в «Комсомольской правде» печаталась, а уж фронтовых газет и не перечислять!

Она говорила и говорила, а я слушал и слушал, всё больше и больше проваливаясь в какое-то странное состояние, никогда такого со мной не было, даже подростком не было, и от этого уже не совсем понимал, что вокруг происходит. Она что-то жарко рассказывала, а я стоял и смотрел на неё, не разбирая слов, лишь кивая и поддакивая в нужные моменты, но то, что я чувствовал сейчас и можно было бы, наверное, назвать настоящим счастьем.

Как, зачем, почему, откуда это всё взялось — эти вопросы меня уже не волновали, хотя раньше я всегда к девушкам постепенно подходил, приглядывался сначала, примерялся, а потому до сегодняшнего дня и не верил, что может быть вот так — с первого взгляда и навсегда.

Я стоял, стараясь не глазеть на неё так уж откровенно и до меня постепенно доходило, постепенно я осознавал, что эта наша встреча и есть, наверное, самая большая удача в моей жизни и упустить её нельзя, потому что это будет полный провал, за который я буду корить себя до конца жизни.

Так что соберись, Саня, соберись, возьми себя в руки, я не знаю, что ты сейчас будешь делать и каким именно образом, но выложиться тебе надо будет на полную, включи мозги, приди в себя, ведь нельзя всё испортить, нельзя её упустить, нельзя, нельзя!

Но голос разума утонул где-то там, его смыло эмоциями, сейчас мне просто хотелось подойти и обнять Марину, потом зарыться лицом в её волосы и просто начать дышать ею, потому что большего счастья в этой жизни я уже представить себе не мог. Она что-то такое разглядела, видимо, в моих глазах, потому что замолчала и вопросительно уставилась на меня.

— Ты знаешь, Марина, — улыбаясь и не очень убедительно, но очень по-деловому сказал я, — а я буду тебе писать. Нельзя нам после такого разговора просто так расстаться. Адрес, кстати, уже знаю.

— Ну... хорошо, — немного растерявшись и замаявшись, но без тени недовольствия ответила она и с сердца моего упал камень, — если хочешь, то пиши. А что такого в этом разговоре было, что нам нельзя расстаться? Нет, поговорили мы хорошо, с самого начала войны такого не было, но ведь...

— Стоп-стоп-стоп, — прервал я её, — начнём с того, что ты самого главного обо мне не знаешь, а я ведь в нашей эскадрилье штатный фотограф! Вон, видишь, — тут я развернулся и рукой показал на свой самолёт, — ниже и сзади от кабины стрелка объектив в фюзеляж утоплен? Так что мы с тобой коллеги, а это не просто так! Вот и у кого мне ещё совета спрашивать, как не у тебя?

— Да ладно, — присмотрелась она, — точно! Так мы и в самом деле коллеги! А я ведь видела, но спросить постеснялась! Думала, что-то секретное! Покажешь? Интересно же!

— Покажу, — согласился я, — но давай сначала пойдём пообедаем. И не говори мне, что ты не хочешь! Ваш лейтенант у нашего замполита всё ещё сидит, самое время.

— Ты знаешь, я ведь всегда и везде отказываюсь, — помедлила она, — как бы ни звали. На довольствие мы встать обычно не успеваем, а объедать людей совести не хватает, особенно в пехоте. Мы сухой паёк с собой возим и его едим, иногда даже и делимся.

— Так то в пехоте! — горячо возразил я, — их и правда самих подкармливать надо! А у нас, смотри сама, никто не завтракает, и почти никто не обедает! Зато смотри, сколько всего привезли!

А привезли на поле и в самом деле нормально так, только рановато почему-то, обычно это делали много позже. Три здоровых бидона с чем-то, в одном из них точно был компот или кисель, бумажные кульки с нарезанным белым хлебом и ещё чего-то, я не разглядел через борт грузовика. Кое-кто из лётчиков и стрелков подтянулся туда, но в основном они что-то пили из стаканов стоя, закусывая белым хлебом, из мисок ели только два или три человека, с Олегом во главе, этого не брало ничего.

— У нас как заведено, — начал я, увлекая Марину за собой, — завтрак почти никто из лётчиков не ест, аппетита нет, но кому-то же он достаётся, верно? Обед тоже, сама видишь, поклуют вкусное, выпьют весь компот, да и всё. Но зато вечером, вечером прямо пир! Тяпнут сто грамм, и как давай махать ложками! Норма у нас лётная, добавка без ограничений, так что никого ты не объешь! Тем более, я тебе свою пайку отдам, не чью-нибудь.

— Так ты что, голодным останешься? — даже остановилась она.

— Не говори ерунды. Я всегда на обеде только компот пью, кусок в горло не лезет. — В её присутствии врать мне удавалось легко и свободно, — а вдруг полёт? Ты только представь себе, как при отрицательной перегрузке свежесъеденные котлетки обратно просятся! Но если хочешь, отъем чуть-чуть из миски, делов-то!

— А вот хочу! — засмеялась она, — но только всё равно неудобно будет, это же надо подходить, просить на виду у всех, может быть, тут посидим да печенья моего погрызём? У меня и морковный чай во фляжке есть!

— Так, сиди здесь, — показал я ей на очень удачное место с сухим, широким брёвнышком под кустом и плотной травкой перед ним, — устраивайся поудобнее, сейчас всё будет. Есть что расстелить?

Она кивнула, полезла в свою планшетку и вытащила оттуда чистый носовой платок презренного размера, а я рванул в сторону столового грузовика. В его кузове, слава богу, сидела не Зинка, разбитная вертихвостка и чемпионка дивизии по стрельбе глазами, а Наталья Ивановна, почтенная пожилая женщина. Язык у Зинки был без костей, на развлечения и громкие, на весь полк, выяснения и выпрашивания того, что её заинтересовало, она была падкая, так что мне повезло. А ещё мне повезло в том, что я до этого ни с кем из наших официанток да оружейниц не перемигивался, у них и своих воздыхателей хватало.

— Наталья Ивановна, — подошёл я к грузовику, — здравствуйте! Я к вашей милости! Вот, хочу девушку накормить, но она стесняется. Поможете? Повкуснее бы нам чего-нибудь!

— Ох, Саша, да ради бога! — схватила за здоровенную железную миску повариха, принявшись накладывать туда гречневую кашу с мясом, а точнее сказать, выбирать из бидона в основном мясо пополам с кашей, — а то ведь сердце кровью обливается!

— Чегой-то вдруг? — удивился я, принимая миску с горой гречневого мяса, миску с нарезанным белым хлебом и миску с салатом из мелко крошеной да сильно измятой с солью капусты.

— Так ведь ваши, ты только погляди на них, все как в воду опущенные! — пожаловалась она, — не ест ведь никто! А мы наготовили! Говорят, что-то будет сегодня. Один ты да Олег, смотри, он кого-то из стрелков прямо заставил!

— Олег молодец! — согласился я с ней, — а про то, что будет, я и не знаю, Наталья Ивановна, да и не до этого мне!

— Я вижу, — улыбнулась она, — красивая какая. Наши-то девки все плотные, не ущипнёшь, а эта, смотри ты, как тростиночка на ветру! Давай, неси уже и за третьим подходи, у нас сегодня кисель клюквенный, и сахара туда не пожалели.

— Одна нога здесь, — пообещал я ей, разворачиваясь и крепко удерживая миски, — другая там!

Я рванул к Марине, не отвлекаясь ни на что, упасть сейчас бы было худшим из вариантов, но на обратном пути всё же присмотрелся к тому, что сейчас творилось под деревьями лесополосы. А там воцарилось такое плотное напряжение, что хоть ножом его режь. Наш ведущий второй пары, Женя Винокуров, например, сидел и вроде бы читал газету, ага. Вот только глаза его не шевелились, да и газету эту он держал вверх ногами, не замечая ничего.

Остальные, кстати, были не лучше, и натужное веселье Олега в кругу стрелков помогало мало. И уж совсем плох стал Никитин, ведомый Димки Говорова. Он не сидел на месте, он маялся, ему было тяготно, он постоянно крутил головой, отмахиваясь от своего заботливого ведущего, он всё потирал ладонью сердце да прятал от Димки свои бегающие глаза. Странно, совсем ещё недавно ведь нормальный был.

— Спасибо, Наталья Ивановна, — резко выбросив из головы унылый личный состав, принял я в свои руки две литровые железные кружки с тёплым киселем, два варёных яйца и маленький кубик сливочного масла, завернутый в провощённую бумажку. — Вот спасибо так спасибо, кисель, это же самое лучшее! А чего это они все?

— Так ведь, говорят, на полный радиус кого-то пошлют, — поделилась она где-то услышанными словами, — и как бы не всех. Вот и маются ребята.

— Ну, может и пошлют, — легкомысленно отмахнулся я, — а может, и не пошлют. Чего заранее переживать-то? Лучше бы поели немного!

— Золотые слова твои, — кивнула мне повариха, задраивая бидоны с горячим, — вот только послушал бы их кто! Ладно, давай бегом беги к своей красавице, а то не успеешь ещё.

— И то дело, — я изобразил поклон и рванул к ждущей меня Марине. Она, кстати, успела художественно разложить миски на своём платочке, но есть и не думала начинать.

— Вот, смотри чего принёс, — я шикарным жестом поставил перед ней железную кружку и всё остальное, — клюква в сахаре! Прямо настоящий десерт! Как тебе такое, а?

— Ой, и правда, — приняхалась она, — клюква! С до войны же не видела! А как сядем, на бревно?

— Нет, — я быстро сбросил с себя свой кожаный реглан и постелил его на траву изнанкой вверх, — неудобно, тянуться далеко будет. Садись давай, стынет же.

И мы с ней уселись по краям от накрытого носового платка, причём так, чтобы кусты хоть немного заслонили нас от остальных. Напряжение напряжением, но в нашу сторону поглядывали.

— Ложка есть? — спросил я её, доставая свою дежурную, завёрнутую в газету, из планшета.

— Есть, — засмеялась она, показав мне свою, — теперь всегда есть. А то я как-то в пехоте раз попросила, так мне один боец, молоденький такой, уставший насмерть, пропотевший насквозь, прямо из голенища сапога, из самой портянки её мне достал и вручил! А сам улыбается, довольный такой!

— А ты чего? — эта пехотная страсть таскать ножи и ложки в сапогах была мне известна. Да и то сказать, в карманах мешается, если в сидор положить, так ведь его и потерять можно, а ложка должна быть с тобою всегда.

— А я взяла, улыбнулась ему и начала есть, — пожала плечами Марина, — как по другому-то? Пальцами только незаметно протёрла, и всё. Да только старшина сразу же у меня её забрал и мыть понёс, кипятком. И на бойца этого начал ругаться жутко, и все остальные тоже, пришлось мне его поцеловать потом.

— Жизненно, — оценил я ситуацию, пехота, она ведь такая, она ведь может одним ножом и людей, и сало с хлебом резать. И не факт, что после фашистов хорошо этот нож помоем. — Но ты кушай, Марин, давай, не стесняйся, кушай.

— Знаешь, что! — неожиданно вдруг взбрыкнула она, — не рановато ли ты начал, милый друг?

Я ошарашенно, по-настоящему не понимая, в чём дело, замер, но после слов: — Я тебе не маленькая, а ты мне не... — до меня вдруг допёрло и я прервал её, не став дослушивать, кто я ей не.

— Стоп-стоп-стоп! — вытянул я ладонь правой руки вперёд, — да стой же! Я понял, в чём дело! В слове «кушай», да? — Она кивнула, не став продолжать, и я заторопился, — но так ведь у нас, на Дальнем Востоке, это слово вполне себе нормальное! У нас там все кушают, а уж местные по деревням даже и не подозревают, что у вас, в Москве, с ним что-то не так! Вот тебе честное комсомольское!

— Правда? — немного недоверчиво спросила Марина, тут же остыв да поглядев на меня немного смущённо, — ой, как нехорошо получилось! Прости, Саша, пожалуйста, просто я устала уже ото всех отбрыкиваться, вот и решила, что ты тоже начал ко мне подкатывать, да и ещё так по-глупому, от тебя я это до того не ожидала услышать, что даже обиделась почему-то и расстроилась, никогда такого не было! У нас ведь кушают только маленькие дети, ну и ещё глупенькие девочки! А мы ведь так с тобой хорошо разговаривали, а тут ты мне такой — кушай! И всё стало как обычно бывает, ну я и обиделась почему-то сильно, как не знаю на кого...

— Проехали, — улыбнулся я, очень всем этим почему-то довольный, — но ты это слово в свою тетрадку будущего путешественника занеси! Вот начнёшь потом ездить по нашей необъятной, пригодится. И начинай уже давай, начинай, а я тебе расскажу ещё чего-нибудь такого же, хочешь?

Она кивнула и без всякого жеманства принялась за еду, видно было, что газетчики наши сидят на какой-нибудь сильно урезанной тыловой норме пищевого довольствия и хорошо так недоедают. Я же постарался собраться с мыслями, нужно было не глупо шутить с перемигиваниями и двусмысленностями, как это обычно делают, нужно было рассказать что-то по-насто-

ящему интересное, нужно было её заинтересовать, вот поэтому мне и ничего, кроме дальневосточной экзотики, на ум не пришло.

По правде говоря, настоящей экзотики в наших местах было маловато, там жили такие же люди, как и везде, но что-то я видел сам, что-то где-то слышал, а что-то собрался приукрасить прямо сейчас — не будет же она проверять это, верно? Но и безудержно врать тоже не следовало, не дай бог аукнутся ей мои рассказы в будущем боком.

А потому начал я с беспроектного варианта — с китайцев. Сам я их практически не видел, но до революции, говорили, было их у нас много. И недоброй памяти хунхузы с набегами приходили, много горя они принесли, и торговцы спускались на лодках из Китая до самого Николаевска, меняя чай, рис и ткани на меха и редкие травы, да и просто народ оттуда валом валил в поисках лучшей жизни.

Но потом, в революцию и в гражданскую войну, когда нам самим жрать нечего стало, большинство из них, ошалев от такого гостеприимства, подались обратно. Наши им в этом деле помогли, перекрыв за ними на глухой замок границу и всерьёз начав бороться с опиумом, спиртоносами и прочими буржуазными элементами, а оставшихся согнали покомпактней, для пушного надзора. Колхоз «Кантонская Коммуна» под Хабаровском, например, по большей части из китайцев и состоял, от кого-то они там у себя к нам убежали. От Чан Кайши, вроде бы.

И вот поэтому я и заливался соловьём, рассказывая ей о застольных привычках китайцев, и как именно ей надо будет себя вести, если в будущем каким-нибудь ветром занесёт Марину к ним в гости.

— Не врешь? — всего лишь раз уточнила она, когда я что-то особенно разошёлся, — я ведь проверю, так и знай!

Но я в этот момент, слава богу, не врал, хоть и трудно было в это поверить. И всё равно, счёл за лучшее переключиться на родное село. Рассказал ей про кетовую путину на Амуре по осени, про то, что могу одной варёной кетой и варёной картошкой хоть круглый год питаться, а вот осетриной уже не могу, переел я её, воротит теперь. Да и то сказать, в один голодный год повезло бате, так мы месяца три только этой осетриной несчастной и питались, варёной и жареной, тушеной и томлёной, в пирогах и так, да кто ж такое выдержит-то?

А год голодным был потому, что тайга тогда вокруг нас выгорела — это раз, а там, где не выгорела, там неурожай кедровых шишек был — это два, от этого ушло всё зверьё чёрт его знает куда, ещё и Амур по осени разлился как никогда раньше — это три, то есть рыбу фиг поймает, вдобавок перебои случились с порохом, не было же ещё централизованного снабжения, а китайцы к нам тогда уже не ходили, вот и взять этот порох было негде, одно к одному, в общем.

Потом рассказал, как первый раз в жизни увидел самолёт вблизи, и на этом моя жизнь определилась окончательно и бесповоротно, и как начал всерьёз обдумывать побег из дома в Хабаровск, в школу гражданских пилотов, а потом раз и, как по заказу, под боком у нас начали строить новый город, да с авиазаводом, с настоящими аэропортом и аэроклубом, и как я рванул туда, не дожидаясь совершеннолетия.

— Как интересно, слушай! — Марина сидела, мечтательно уставившись на меня, — это же всё сфотографировать можно! И нужно!

— Какие твои годы, — успокоил я её, — успеешь ещё. А вот кисель остывает.

— Так, с кашей всё! — девушка вручила мне миску, в которой оставалось примерно с четверть, да и то в основном мясо, — больше не могу! Больше уже во вред пойдёт! И салат я весь съела, смотри!

— Давай, — принял я кашу, потому что у самого в животе уже немного поскуливало, — доесть надо обязательно, выбрасывать нельзя. А ты вон, яичко пока скушай, тьфу ты, господи прости!

— Скушаю, Саша, скушаю! — Марина рассмеялась, сверкнув мне белозубой улыбкой, — ух ты, а если оно всмятку? Тогда я его сейчас вот так!

И она моим ножом отпилила этому яйцу верхушку, а я, увидев это, тут же постарался принять как можно более удивлённый и недоумённый вид, хотя, если честно, мне даже и притворяться не пришлось. Марина снова хихикнула и, картинно подняв передо мной это яйцо срезанной частью вверх, черенком ложки пробила белок и вылила оттуда весь желток на ломоть уже чуть подсохшего, но всё ещё очень свежего белого хлеба.

— М-м-м! — даже закачалась она на месте, откусив и прожевав кусок, — пусть без соли, но как же это вкусно, Саша! И белый хлеб, и яйца, и масло, — всё, ухажу в лётчицы! А я ведь до войны, если бы ты знал, так любила яйца-пашот на завтрак, мне мама иногда готовила! Но второе есть не буду, давай делиться по-честному!

— Давай ещё честнее, — предложил я, — мне белок, тебе желток, я его не люблю.

— Точно? — спросила она, тут же хватая второе, — смотри!

— Точно-точно, — соврал я, — у нас, в деревне, их только вкрутую и едят. Так что бери, куш... да что со мной такое сегодня, ешь давай, в общем!

Она без лишних слов схватила второе, а я сидел и, выковыривая ножом варённый белок из скорлупы, прятал глаза, не в силах удержать глупую, счастливую улыбку.

— Спасибо тебе, Саша, — вдруг сказала она, когда мы уже добивали кисель, — за сегодняшний день спасибо. Как будто бы и нет этой войны проклятой, как будто бы и не с нами она.

— А уж как мне хорошо, — ответил я, — лето, солнце, неожиданный пикничок, самая красивая на свете девушка рядом, а если собрать всё это вместе — то это и будет самое настоящее счастье! Я ведь утром даже и представить себе не мог, что так получится!

— Я тоже, — согласилась она, — но ты вот что! Будешь в Москве — приглашаю в гости! Адрес я тебе потом в письме напишу. Ответный пир делать будем! — последние слова Марина произнесла со смешным грузинским акцентом.

— Обязательно, — согласился я. — И напишу, и адрес узнаю, и в гости приеду. И — я ведь это серьёзно, Марин. Больше ни к кому — только к тебе.

— И я серьёзно, — решившись на что-то, ответила она, улыбаясь мне с напускной уверенностью в себе. — Очень-очень серьёзно, Саша.

И вот только я собрался ответить ей что-то хорошее, как вдруг от штабной землянки адъютант нашего комэска завопил своим противным голосом во всё своё мерзкое горло, а остальные дуболомы по цепочке подхватили, разнося его клич по всему лётному полю:

— Вторая эскадрилья! На КП полка! Задачу ставить!

— Чёрт! — спохватился я и вскочил на ноги, — меня! Марин, ты вот что, ты миски собери и вон к тому грузовику отнеси, хорошо? И вот ещё что, Марин, — тут я нагнулся и обнял её, как смог, всё ещё сидевшую на траве и откинувшуюся назад, да быстро поцеловал в губы.

Она не отстранилась, не закрыла глаза, поэтому пришлось мне отрываться от неё самому. Но не отпустил, а сгрёб в охапку и поставил на ноги.

— И вот ещё что, Марин, — я заговорил с ней как можно ласковей и при этом серьёзней, — ты дождись меня сегодня, ладно? Тут недалеко и недолго, часа два с половиной самое большее, хорошо? Ты меня дождись и я вернусь к тебе, вот увидишь!

Она лишь медленно кивнула, а что там такое плескалось в её больших синих глазах, я разглядеть уже не мог, потому что нагнулся, схватил свой реглан, да со всех ног кинулся в сторону КП.

Глава 4

К комэску я подбежал, несмотря ни на что, в числе первых.

— Да шевелитесь вы! — прикрикнул Воронцов на отставших, — пока время есть!

Отставшие наддали, и вот уже мы стояли в широком, плотном кругу, доставая из планшетов карты.

— Значит, так, братья-славяне, — жёстким тоном начал комэск, — курорт закончился, с этого дня начинаем работать по-настоящему. Скоро весь полк каждый день вылетать начнёт, но сегодня мы идём восьмёркой и ты ещё с нами.

Тут он ткнул в меня пальцем, а я лишь с деловой готовностью кивнул.

— Я веду первую четвёрку, — продолжил он, — Агафонов, ты поведёшь вторую. Вылет будет очень сложным, поэтому пары разбивать для тебя, Артемьев, не стану. Сам подберёшь себе кого-нибудь, потом, из нового пополнения. Сейчас со мной пойдёт пара Говорова, с Агафоновым пара Винокурова. Ты, комсорг, пойдёшь с нами как инспектор по пилотированию, потому держись сзади или сбоку, да про фотоаппарат свой не забывай, у штабных на него вся надежда.

Я снова кивнул, эту практику я знал, смысл её был в том, чтобы следить за работой группы прямо во время полёта, при этом поправлять молодых сразу на ходу, открытым текстом, точнее голосом, выручать их в сложной ситуации, приводить в чувство, если растерялись, а по возвращении домой проводить разбор полётов. На штатную должность инспектора ставили лучшего аса дивизии, но вот на таком уровне, эскадрильном, сгодился и я. А ещё это говорило о том, что доверял мне мой комэск очень серьёзно. Ну, или чтобы было на кого ответственность повесить.

— А то задолбало, понимаешь! — вдруг не в шутку заорал Воронцов на оставшуюся без дела четвёрку. — Вроде облётанные уже, вот что вы жмётесь в воздухе друг к дружке, что вы лезете друг на друга, что вы болтаетесь в строю как цветок в проруби! Вчера соседи всем составом вылетали, так перемешались над целью, устроили там кашу, перепутались, стали налезать один на другого, и два самолёта столкнулись! Один — хрен бы с ним, его не жалко, дурака, так ведь второй, которого он убил, штурман полка и герой! Был!

Комэск и правда сейчас оставил дома наши самые слабые пары, но злость его была мне не очень понятна, хотя причин тому могло быть множество. Может, это знакомый его погиб, а может, сверху всем за это хвоста накрутили без жалости, на разбирая, и правым и виноватым, да потребовали предупредить подобное в дальнейшем, что, кстати, уже было больше похоже на правду.

— Значит, так, — чуть успокоившись, продолжил Воронцов, — цель на сегодня — аэродром транспортной и прочей среднебомбардировочной авиации, вроде бы. Раньше мы о нём не знали, но партизаны маякнули. Сейчас отправили туда пару истребителей на разведку, как только подтвердят — вылетаем. Если цель стоящая, если нам удастся разбить взлётную полосу, а это и есть наша главная задача, то за нами поднимут весь остальной полк, а может, что и всю дивизию, и дивизию петляковых тоже! Ясно вам?

Мы озадаченно кивнули, и он, оглядев нас, стал объяснять дальше.

— Но главная сложность в том, — комэск на этих словах вздохнул, — что далековато они от нас, под двести километров примерно. Хейнkelю-то, сто одиннадцатому, чёрт бы его побрал, на эти двести километров плюнуть и растереть, а вот нам тяжело будет.

На этих словах Никитин, ведомый Димки Говорова, прямо почернел весь, до того ему стало неважно, но он сумел удержаться от горестного вздоха, не желая привлекать к себе чужое внимание. Странно, такую маету я видел в первый раз, обычно-то ребята обижались, если их не брали, но всех за один стол не посадишь, особенно если он маленький.

— Карты достали? — посмотрел на личный состав Воронцов, переходя к делу.

— Достали! — тут же отозвался Олег из-за моей спины.

— Ну тебе-то это зачем? — скривился комэск, — а, товарищ... Олег? Вот что ты там увидишь сидя задом наперёд? Что это ещё за клоунада?

— Мало ли, — без тени смущения ответил ему мой стрелок, — вдруг что?

— Чёрт с тобой, — смирился Воронцов, — ладно, отмечайте себе, предположительное место нахождения цели — район где-то между деревнями Смирновка и Матвеевка, вот они, видите?

Он потыкал пальцем в свою карту и, убедившись, что мы точно поняли место, продолжил:

— Результаты фоторазведки ждать не будем, вылетаем сразу же, как только истребители найдут это место и по радио подтвердят. Наша задача — самим найти этот аэродром и разнести ему полосу, а также привезти фотографии объекта. Поэтому пойдём с перегрузом, бомбы нам подвесили две по двести пятьдесят, с взрывателями мгновенного действия. Но зато без эрэсов. Так что порядок действий будет такой: ищем цель, вытягиваемся, с пологого пикирования заходим на неё вдоль полосы и работаем по очереди. Моя четвёрка кидает бомбы туда же, куда и я, четвёрка Агафонова равняется по нему. Ты, Артемьев, смотри сам по нашему результату, ты на цель заходишь последним. Сразу не уходим, будет как минимум два захода, посмотрим по противодействию, но из пушек и пулемётов их тоже хорошо бы было причесать. Но ты, Артемьев, во второй заход с нами не ходи, ты сразу фото делай, ясно? А мы их отвлечём хоть немного.

— А если там две полосы будет? — с сомнением спросил у него Олег. — Что тогда?

— Партизаны говорят, одна, — в тон ему, с тем же сомнением в голосе сказал Воронцов, отвечая Олегу, как равному. Конечно, любым другим стрелком наш комэск за такие вопросы тут же задницу бы себе вытер, но они знали друг друга давно, да и не воспринимал Воронцов серьёзно это его разжалование в рядовые. — Вроде бы. Зато капитальная, говорят, и полностью с железным настилом. И запасная есть, грунтовая, но она сейчас подтоплена, поэтому не используется. Тоже вроде бы. Но, сам понимаешь, это ж партизаны, вот что они в нашем деле шарят? Так что там может быть всё, что угодно, поэтому ты, Агафонов, не спеши, понял? Если что — вторая полоса на тебе! И ты, Артемьев, смотри во все глаза!

Я кивнул, Агафонов тоже, и комэск вывалил на нас двоих своё раздражение начальством:

— И полный бардак же! Там, — тут он ткнул пальцем вверх, — ещё вчера нас всех хотели туда загнать, с пикировщиками вместе, но ведь неизвестно же ничего! С партизан-то взятки гладки! А наверху-то прям горит — давно без дела, мол, сидят! Но хватило ума понять, что будет как в начале войны — восемнадцать аэропланов однажды ушло, назад не вернулся ни один! А спросить, что с ними случилось, не у кого! Да ещё соседи помогли, этим своим столкновением! Так что воевать будем пусть и немножечко, но по уму, хотя и не наша это задача, так далеко ходить.

— М-да... — за всех ответил ему Олег, — прямо как в сорок первом, тогда любили такие приказы отдавать: всеми самолётами вылетать и бить врага в таком-то районе, а дальше трава не расти, куда, чего, сами найдёте. Что, прям подождать немного нельзя? Вот придут истребители, сразу всё ясно станет, что там и как.

— А если не придут, что тогда? — срезал его вопросом Воронцов и вдруг не просто показал пальцем в небо, как только что, а прямо-таки вытянул руку вверх, намекая этим на уровень обеспокоенного немецким аэродромом начальства, — там, Олежа, сегодня ясно скажали: предоставить к часу дня результаты и фотоконтроль. Вот мы с тобой их и предоставим, понятно?

— Истребительное прикрытие будет? — мой стрелок лишь согласно кивнул на это объяснение, мол, ничего другого он и не ожидал.

— Будет, — кивнул ему Воронцов, — как же без него. Только далеко ведь, мать-перемать! До цели доведут, над ней покрутятся, а потом всё что угодно может быть, на обратном пути я бы на них не рассчитывал. У немцев ведь и своих истребителей хватает. Устроят собачью свалку, навалятся скопом, не до нас им будет. Да и погода гляди какая, видимость миллион на миллион, как по заказу, блин. Так что взлетаем парами, быстренько собираемся над аэродромом и чешем к точке встречи с маленькими, а там я поведу.

— Скажите пожалуйста... — меня мягко отодвинули в сторону, и из-за моего плеча выбрался тот самый очкастый лейтенант, что с Мариной прилетел. Сказать, что мы все удивились, это ничего не сказать, но я обернулся и, как будто этого мало, увидел её саму, запыхавшуюся, поправляющую сбившуюся от быстрого бега пилотку, метрах в пяти от нашего круга, да ещё и поспешающего к нам злобного замполита, который не успел.

— А ну пошли отсюда к чёртовой матери! — побагровев, заорал на них Воронцов, — оба! Пшёл вон, рожа очкастая, и девку свою забери! Да кто вообще бабу на поле перед вылетом пустил, а? У кого ума хватило? Ты, Николаич, что ли? Ну спасибо, ну удружил!

С этими, полными яда словами, комэск чуть поклонился подбежавшему замполиту, не сводя с него злобного взгляда. У Марины, ещё не привыкшей к подобному обращению, мгновенно брызнули слёзы, и она вцепилась в меня глазами, мол, как это так и за что, нельзя же так с людьми, но я лишь покачал головой и отвёл взгляд, а на душе стало до того погано, что и не передать.

Ведь только-только корчил из себя перед девушкой рыцаря без страха и упрёка, все перья свои распушил, пикник на траве устроил, целоваться лез, планы строил, а теперь не то, что не решаюсь хоть словом её подбодрить, просто не хочу, до того это всё глупо, глупо, глупо и не ко времени.

— По самолётам! — прервала мои душевные терзания команда комэска, — через десять минут вырливаем!

Я обернулся было, но Марина, заметив это, резко отвернулась от меня, да так, что её взметнувшиеся волосы снова полыхнули огнём, обида, видимо, была сильной. Сделать что-нибудь было уже нельзя и я, засовывая карту в планшет, рванул вслед за Олегом к своему самолёту. Он, кстати, ни словом, ни взглядом не отреагировал на эту ситуацию, молодец.

— Товарищ старший лейтенант! — тут же поймал меня на нашей стоянке Мишка, — самолёт к боевому вылету готов! Мотор работает исправно, горючее заправлено полностью! Подвешены две бомбы по двести пятьдесят килограммов, взрыватели мгновенного действия! Боекомплект пушек и пулемётов полный, эрэс нет! Докладывает механик самолёта младший сержант Веденеев!

— Спасибо, — ответил ему я и пошёл вокруг Ила с предполётным осмотром вместе с Олегом. Так, струбцинки с элеронов сняты, колёса накачаны одинаково, амортизаторы осажены тоже одинаково. Внимательно осмотрел подвеску бомб, кок винта и сам винт, лючки на капоте и контрольную шпильку на крышке переднего люка, трубку Пито, хвостовое оперение и костыль. Олег шёл за мной, повторяя все мои действия, и когда я потянулся расписываться в журнале, одобрительно кивнул головой.

— Помоги, — попросил я Мишку, накидывая на себя парашют и, застегнувшись с его помощью, полез в кабину. Уселся поудобнее, поставил ноги на педали сразу, пристегнулся плечевыми и поясными ремнями, воткнул вилку шлемофона в гнездо радиостанции и, зажав его барашками, погнал предполётный осмотр кабины слева направо. Всё было в норме, приборы молчали, двигатель-то ещё не был запущен, хотя аккумулятор я включил, проверил звуковую и световую связь со стрелком, да посмотрел на склонившегося надо мной Мишку. Он, чуть застеснявшись, показал мне на ЭСБР — электрический бомбосбрасыватель, и сказал:

— Бомбы будут сбрасываться по две, но вы уж, товарищ старший лейтенант, тут же и механический дёргайте. А то мало ли что. Вдруг одна отцепится, вторая нет.

— Обязательно, — уверил его я и тут же по радио прозвучала команда к запуску. Мишка помог мне запустить двигатель и прыгнул на землю. Я внимательно прислушался к рёву мотора, но ничего лишнего слышно в нём не было, так что оставалось только спросить у Олега, готов ли он, да начинать вырубивать, потому что наши все уже начали.

Мы, все девять самолётов, выстроились на старте друг за другом попарно, в порядке очереди, я последним, так же по очереди доложились о готовности и замерли в томительном ожидании команды.

— Взлетаем! — наконец раздался в шлемофоне голос Воронцова, первая пара дала по газам, а я потянулся закрыть фонарь и вдруг увидел справа от себя бегущую к нам Марину. Она остановилась метрах в пятнадцати от самолёта и принялась оттуда махать нам, что-то крича мне при этом. Чёрт, чёрт, чёрт!

— Вот что за дура московская, — голос Олега в наушниках был спокоен и злобен. — Она бы ещё с пустым ведром сюда прибежала. Я в приметы не верю, но это уже через край. Командир, ты в своём уме?

Я промолчал, не став отвечать, да и что я мог ему ответить, а внутри меня всё ёкнуло, да в глубине живота поселился липкий холодок. Я вдруг, как будто это было только что, вспомнил и свой сон про чёрную собаку, и утреннее бритьё, и поездку на грузовике до КП, и все свои фото тоже. И как-то всё это вместе сложилось так, одно к одному, что накатила какая-то мгновенная чёрная безнадёга, а в голову полезло мерзкое предчувствие чего-то плохого там, впереди. Но я нашёл в себе силы помахать Марине в ответ, улыбнулся ей во все зубы так, чтобы она это точно увидела, а потом её за руку потащил в сторону подскочивший к ней Мишка. Он кричал ей что-то в лицо и волок за собой без жалости и я, в который раз уже вздохнув, снова отвернулся от неё, да что ж за день такой сегодня.

Последняя передо мной пара пошла на взлёт, я дал им оторваться, записал время вылета в планшет и дал газу сам, а все эти предчувствия тут же вылетели у меня из головы, работать надо, некогда. Единственный плюс, что хотя бы Воронцов этого не видел, суеверный наш, пусть это будет только на моей совести.

Потом мы быстро собрались в кругу над аэродромом и пошли на запад двумя четвёрками, одна за другой, я последним. Пока шли, я внимательно следил за молодыми, помня свои обязанности, но ничего нового не увидел, повадки каждого я уже знал. Ну, разве что Никитин болтался в строю чуть больше обычного, но поправлять его по радио голосом было ещё нельзя, нужно было соблюдать радиомолчание, это уже потом, рядом с целью или по пути домой.

Над линией фронта к нам прицепилась четвёрка маленьких и все вместе мы пошли дальше на запад. Воронцов, ради хоть какой-то скрытности, вёл нас метрах на пятидесяти высоты, опускаться ниже было уже опасно, стоило учитывать и перегруз, и умение молодых, а Яки начали нарезать свои зигзаги чуть выше. Вот на обратном пути мы будем улепётывать на настоящем бреющем, метрах на десяти-двадцати от земли, кто во что горазд. Будем к ней прижиматься как к родной, хотя и не дай бог, конечно, но спокойно уйти нам вряд ли дадут, стоило смотреть на вещи трезво.

Под крылом уже начали мелькать ещё не обезображенные предстоящими боями места, зазеленел лес, успевший оправиться от пожаров сорок первого года, появились озера, да и вообще местность чем дальше, тем больше, начинала походить на болотистую. Может, и не врали партизаны.

Нас пока не обстреливали, хотя немцев я видел, но они просто не успевали. Да и как тут успеешь, на такой-то высоте. Воронцов же тащил группу не просто так, по прямой, он вёл нашу девятку ломаным маршрутом, избегая дорог и населённых пунктов и дай бог, чтобы это нам помогло.

Я вполне себе ориентировался на местности и понимал, что он делает. Тело управляло самолётом на автомате само, позволяя мне и следить за воздухом, и ловить ориентиры на земле,

делая отметки на карте. Судя по всему, Воронцов решил обойти цель и зайти на неё немного южнее, чтобы ярко сверкавшее солнце хоть немного, но помешало немецким наблюдателям и зенитчикам. Ну и ещё чтобы хоть чуть-чуть неожиданности добавить.

Мы и правда зашли во вражеский тыл километров на десять дальше предполагаемого района и, развернувшись над глухим лесом, начали пологий набор высоты. Комэска перед вылетом сориентировали по точному месту, найденному истребителями, и он вёл нас прямо и уверенно, по прямой, не кидая свою машину в «змею», как делали тогда, когда требовалось что-то точно рассмотреть или найти.

Но на двух километрах высоты я и сам увидел чужой аэродром. Это была какая-то вытянутая, здоровая, сухая и высокая проплевшина между чахлым лесом и болотами, к которой тянулось несколько незначительных полевых дорог от близлежащей железнодорожной станции в Матвеевке. Замаскирован аэродром был здорово, не хуже нашего, но куда ты спрячешь взлётную полосу? Тем более такую, очень чётко выделявшуюся на общем фоне своей однородностью, там и правда было что-то похожее на железный настил. И полоса эта была очень длинной, вполне подходящей для юнкерсов восемьдесят восьмых, а им для разбега требовалось почти два километра, в отличие от хейнкелей, о которых сокрушался Воронцов, эти-то могли взлететь и с огрызка в четыре раза меньше.

Зашли мы очень удачно, полоса виднелась перпендикулярно нашему курсу, километра на полтора-два правее, так что можно было, подойдя к её западному торцу, с правого крена войти в пологое пикирование точно вдоль неё, как на посадке.

— Растягиваемся, — прозвучал в наушниках голос Воронцова. — Я быю первый от середины и дальше, Агафонов от середины и ближе. Начали!

И он, увеличив скорость, повёл свою четвёрку на сближение к проснувшемуся немецкому аэродрому. Агафонов чуть придержал своих, а я полез выше, тут же оторвавшись ото всех разом. С земли уже хлестали по нам разноцветные трассы малокалиберной зенитной артиллерии, много и вразнобой, да кое-где вспухли первые чёрные облачка разрывов снарядов немецких восьмидесяти восьми миллиметровок. «Ахт-ахт» — так их называли сами немцы, и это было очень серьёзно. Настолько серьёзно, что истребители сопровождения тут же рванули вверх и в стороны, а я затеял глубокие, с перегрузками, противозенитные манёвры, и мне оставалось надеяться только на собственное умение, на удачу, да ещё на то, что Олег хорошо там привязан и не вылетит.

И всё же я успел заметить, как уверенно шли на цель Воронцов и ведущий второй четвёрки, да как плясали, вытянувшись за ними гуськом, все их ведомые. То, что они делали, это не было противозенитным манёвром, они просто судорожно кидали свои машины из стороны в сторону, пытаясь одновременно и успеть за ведущим, и хоть как-то обезопасить себя.

Комэск, чуть не дойдя до створа полосы, бросил свой самолёт через правое крыло и с разворотом вошёл в пологое пикирование, Агафонов, немного погодя, нырнул за ним следом, но он пикировал чуть круче, а я всё ещё висел в воздухе и смотрел за ними во все глаза. Немецких истребителей ещё не было, они появятся чуть позже, обязательно появятся, и тогда у меня не будет времени всё внимательно рассмотреть, нужно было пользоваться моментом именно сейчас.

И я метался среди внезапно появляющихся чёрных облачков, то ныряя в них, то шарахаясь в сторону, потом скользил вниз, под трассы МЗА, и тогда они смыкались над моей головой шатром, или карабкался выше, скользя влево и вправо, и они расходились подо мной веером, на такой высоте с ними можно было бороться, снаряды от малокалиберной артиллерии летели долго, и их трассы было отчётливо видно.

Восьмидесяти восьми миллиметровки меня бросили, перенеся огонь на идущие в атаку самолёты, малокалиберные тоже приотстали, стало чуть полегче, но я всё ещё ждал своей очереди, а она всё никак не наступала. Ладони вспотели, во рту пересохло, но я сам себя сумел

загнать в какое-то странное, отстранённо-злобное состояние, и больше всего на свете мне сейчас хотелось, до зубовного скрежета хотелось, бросить свои бомбы так, чтобы лучше было и мечтать нельзя.

Именно к этому я готовился всю свою жизнь и вот, нужно было только немножко подождать, посмотреть, что выйдет у других, спешка же могла всё испортить.

Воронцов и Агафонов не стали сильно снижаться, Агафонов так вообще вывел свою группу в горизонтальный полёт метрах на девятистах высоты, чтобы бросить бомбы с него, не доходя до торца полосы, долетят сами куда надо. Попасть при таких условиях в узкую цель можно было только чудом и я хрипло выругался в эфир, не сдержавшись. Я видел, как плясали в воздухе самолёты его четвёрки, как они прыгали из правого крена в левый, как скользили туда-сюда, даже и не думая выравнивать свои машины. А ведь всего лишь один градус отклонения от горизонта при сбросе бомб на такой высоте унесёт их куда-нибудь к чёртовой матери вбок, и накроют они что угодно, только не цель.

А вот Воронцов всё ещё полого снижался, но тоже недостаточно. И тоже самолёты его четвёрки плясали в воздухе как припадошные, стараясь обмануть смерть и не думая выравниваться.

Обе группы сбросили свои бомбы почти одновременно, Агафонов первым, и они тут же дёрнули свои машины вправо, спеша уйти под солнце и спрятаться над чахлым лесом. Но одной машине второй четвёрки, я не понял, кто именно это был, этот судорожный манёвр не помог, она вдруг вспыхнула ярким пламенем и оторвалась от группы, начав падать прямо на взлётку.

Она падала, но падала как по ниточке, лётчик был ещё жив и вёл свою машину точно в полосу, а я следил за ним, в голос отсчитывая секунды до взрыва наших бомб, и зенитчики били улепётывающим штурмовикам вслед, не обращая на меня внимания в своём жутком азарте.

— Двенадцать, — считал я вслух, — тринадцать...

И точно, на тринадцатой секунде над немецким аэродромом вспухли первые разрывы, а за ними и все остальные. Удар был хорош, справа вздыбился в небо огромный огненный шар, кто-то попал то ли в топливохранилище, то ли в полный заправщик, ещё три бомбы очень точно накрыли самолёты на стоянке, остальные тоже натворили дел, но взлётку задели всего две, и то сбоку.

А больше всего вреда ей нанёс наш воткнувшийся точно в полосу самолёт, как он сумел это сделать, я не понимал. Как можно было вести свою машину ровно, когда кабину твою заполонил злой огонь, когда языки пламени лижут тебе руки и глодают лицо, а надежды жить больше нет?

— Двадцатый, что там? — раздался в наушниках шлемофона требовательный голос Воронцова.

— Мимо, — коротко, без эмоций, отозвался я.

Комэкск на это ответил мне не сразу, он снова вылез в эфир секунд через десять, когда уже, наверное, отвёл душу.

— Ты ещё нет? — он спрашивал с надеждой, но спокойно.

— Нет, — обрадовал я его.

— Не спеши, Саня! — не смог выдержать спокойный тон Воронцов, — не спеши! На тебя вся надежда! Мы сейчас второй заход, навалимся на них, постараемся их заткнуть, и ты давай под шумок, понял меня?

— Понял, — ответил я, — есть под шумок.

— Группа! — начал командовать комэкск, — второй заход! Разбиться на пары! Цель — зенитки! Атаковать!

Я видел, как наши самолёты, развернувшись, вновь начали набирать высоту для второго захода, и прикидывал время, чтобы подгадать свои действия под их атаку. Вот они показались, вот Агафонов примерился нырнуть на батарею «ахт-ахт», сумел же их заметить, молодец, вот

ещё две с половиной пары нацелились на самые буйные малокалиберные точки и, решившись, я бросил свою машину через правое крыло в пологое пике.

Целился я в наш горящий на полосе самолёт, если удастся ударить хоть чуть-чуть рядом с ним, будет совсем хорошо. Зенитки стали стрелять и по нам с Олегом, но всё же мне было много легче, чем ребятам недавно, да и Говоров, заметив, что с одной позиции стали дуть именно по мне из всех стволов, бросился туда и сумел их заткнуть.

Я вваливал свою машину всё ниже и ниже, бросать с горизонтального полёта я уже не мог и не имел права, я хотел бросить так низко, как только можно, лишь бы мне самому при этом близким взрывом не оторвало крылья да осколками не посеколо самолёт. Ещё я убрал газ до минимума, чтобы снизить скорость и дать себе больше времени на выравнивание, а прямо перед сбросом я вообще его уберу, чтобы воздушный поток от винта не сбивал мои бомбы с курса, чтобы не начали кувыркаться они.

Это было опасно, очень опасно, но другого выхода у меня не было. Я уже не дёргал самолёт в противозенитном манёвре, я летел ровно и медленно, и это сработало на меня, немногие разноцветные трассы проносились прямо перед самым моим носом, немцы не успели среагировать на мою маленькую скорость, они били с большим упреждением, чем надо, и это меня спасало.

Когда осталось совсем чуть-чуть, я дал очередь из пулемётов по горящему на земле нашему штурмовику, чтобы оценить своё положение в воздухе, я умел бомбить по пристрелочной трассе и, примерившись да взмолясь всем богам, резко и аккуратно, чтобы ничего не сбить, дёрнул «сидор» — рычаг аварийного сброса, не став трогать ЭСБР.

Штурмовик тут же «подвспух» в воздухе, он стал легче и я, выждав три томительные секунды, дал полный газ, одновременно выводя самолёт из пике в горизонтальный полёт и срывая вправо, за чахлый лесок, чтобы попытаться уберечься и от зениток, и от собственных бомб.

Прошло совсем немного времени, показавшегося мне вечностью, как за спиной мощно ударили два взрыва, слившиеся в один, да раздался голос Олега в СПУ.

— Попали, Саня, попали! — радостно заорал он, чуть запнувшись в начале, когда нас резко дёрнуло взрывной волной, — есть, есть попадание! Да ты ещё и кого-то накрыть умудрился прямо на полосе, совсем молодец!

Я не ответил и не стал его поправлять, мне нужно было теперь набрать высоту и зайти для фотографирования результатов, а они были. Мощно горело сзади и сбоку, что-то весело и зло взрывалось в этом огне да разлеталось по всему аэродрому, штурмовики, не став выстраивать круг, кого-то долбали безо всякой жалости, но долго они это делать не будут. Я же решил отойти чуть подальше да залезть чуть повыше, для полного обзора и, пройдя над горящим аэродромом с запада на восток, сделать фото да сходу пристроиться к своим.

— Молодец, двадцатка! — Воронцов тоже оценил попадание, — Молодец, Саня! Совсем молодец! Делай контроль и уходим! Слышишь меня?

— Горбатые, с востока мессеры, — влез в эфир кто-то из маленьких, — их восемь, скоро будут здесь, шевелитесь!

— Есть контроль! — Четыре минуты, прикинул я и полез на высоту, мне нужно только четыре минуты, чтобы залезть на эти полтора километра и пройти над аэродромом. Двигатель тянул, машина, освободившаяся от бомб, как будто получила второе дыхание и я, крутя противозенитный манёвр, заложил пологий боевой разворот, что выведет меня точно на цель.

Штурмовики всё ещё долбали зенитки, отвлекая их на себя и, посмотрев через крыло вниз, я увидел, как в этот момент сбили Никитина. Он вслед за Говоровым пикировал на зенитную установку, Димка поливал из всех стволов землю, оттуда били в ответ, и нужно было дожать, нужно было уткнуться почти прямо в них, на вытянутую руку, и тогда ты разнесёшь там всё или они разбегутся сами, не железные же они, но Никитин заплясал, он вырвал свой

штурмовик из пике, он попытался с глубоким левым креном и судорожным задираем ручки на себя выйти из атаки и этим подставил под огонь, прямо под чужие стволы, всю проекцию своего самолёта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.